

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СОВПАДЕНИЙ

ПОЧЕМУ
СЛУЧАЙНОСТИ
— ЭТО ИЛЛЮЗИЯ,
А ВСЕЛЕННАЯ
СЛЕДУЕТ
СКРЫТОМУ
ПЛАНУ

КОУЛ РИЧАРДСОН

За пределами совпадений

Коул Ричардсон

Настоящее издание представляет собой документально-аналитическое расследование, основанное на открытых источниках, включая опубликованные документы, судебные акты, научные публикации, сообщения средств массовой информации, публичные заявления и иные материалы, доступные на момент подготовки текста. В тех случаях, когда точное содержание отдельных разговоров, мотивов или последовательности действий не может быть установлено с исчерпывающей достоверностью, автор использует реконструкцию, основанную на совокупности источников. Автор не ставит целью унижение чести, достоинства или деловой репутации каких-либо лиц и организаций.

Оглавление

Глава 1. Когда мир начал меняться

1.1 Мы стали другими

1.2 Когда информация становится воздействием

Глава 2. Страх, который не уходит

Глава 3. Информационная атака

Глава 4. Инфотеракты и люди за кулисами: хроника невидимой войны

4.1 Вы уже подумали

4.2 Главные режиссёры: кто запускает инфотеракт?

4.3 Роль СМИ: не просто трансляция, но и смещение границ дозволенного

Глава 5. Одиночество против толпы: как риторика ненависти становится мировым стандартом

5.1 Когда ненависть становится нормой

5.2 Как создаётся образ врага?

5.3 Слова, которые меняют восприятие

5.4 Кто задаёт тон?

5.5 Механизм, который работает везде

Глава 6. Эстафета, которую никто не должен был получить

Глава 7. Эффект Колумбайна

Глава 8. Управляемая реальность

Глава 9. Подчинение без приказа

9.1 За пределами видимого влияния

9.2 Слишком точно, чтобы быть случайным

Источники

Глава 1. Когда мир начал меняться

Ничего не происходит. Или нет?

Давайте представим обычное утро.

Такое, какое бывает у тысяч людей каждый день.

Солнечные лучи пробиваются сквозь шторы и постепенно заполняют комнату мягким светом. В этом свете всё, кажется, чуть спокойнее, чуть теплее, как будто день заранее обещает быть хорошим. За окном слышно птиц. Город только просыпается. Девушка лет двадцати шести открывает глаза. Несколько минут просто лежит под тёплым одеялом, наблюдая за этим светом, слушая тишину утра. В такие моменты нет тревоги. Есть ощущение, что всё в порядке.

Мэгги идёт на кухню. Ставит чайник, достаёт продукты из холодильника, собирается готовить завтрак. Заваривается кофе, и его запах постепенно заполняет пространство. Тёплый, привычный, домашний. За окном — обычная жизнь. Кто-то выгуливает собаку, кто-то вышел на пробежку, кто-то идёт с другом и смеётся — просто потому, что разговор зашёл о чём-то лёгком.

Пока готовится омлет, она включает телевизор. Не для того, чтобы слушать, а чтобы в доме был звук. Из него доносятся слова:

«погибли...»

«число жертв...»

«срочное сообщение...»

Мэгги пьёт кофе, смотрит куда-то между экраном и окном. И постепенно, почти незаметно, внутри появляется лёгкое напряжение. Не резкое. Не явное. Скорее, как фон.

Она выходит из дома.

Трамвай идёт по оживлённой улице, проезжает вдоль парка. Через окно видно, как на солнце серебрится море. Небо сегодня чистое — голубое, с лёгкими белыми облаками. Как на картинке.

Снаружи всё спокойно. Жизнь идёт своим чередом. Но внимание Мэгги уже сосредоточено на экране телефона. Она листает ленту новостей. Не задерживается на чём-то конкретном, не вчитывается. Просто пролистывает. По привычке.

Короткие ролики.

Где-то шутка.

Где-то тревожная новость.

Где-то снова чья-то трагедия.

Она не запоминает это сознательно. Но её состояние постепенно меняется. К обеду она уже становится беспокойнее. Чуть быстрее устаёт. Чуть резче реагирует. И не может точно объяснить почему. День снаружи остаётся тем же. Тёплым. Солнечным. Обычным. Но внутри он проходит иначе. К вечеру появляется усталость, которая не связана ни с работой, ни с событиями дня. Просто внутреннее напряжение, которое никуда не ушло.

Поздно вечером она снова заглядывает в соцсети. Ненадолго. После чего ложится спать.

За окном — тишина. Но внутри этой тишины нет. Потому что за этот день произошло то, что невозможно увидеть снаружи. Мэгги много раз соприкоснулась с тревогой. Чужой. Но пережитой как своей. И даже не заметила этого.

1.1 Мы стали другими

Есть вещи, которые не происходят внезапно. У них нет одного дня или одного события. Они происходят тихо. Настолько тихо, что сначала их невозможно заметить. А потом — уже невозможно игнорировать.

За последние десятилетия мир изменился. Не только технологии. Не только политика. Изменилось состояние людей. Мы стали быстрее выматываться. Сильнее тревожиться. Чаше испытывать напряжение. Это не всегда видно снаружи. Но это чувствуется внутри. Как фон, который не исчезает. Но есть один показатель, который невозможно скрыть — здоровье.

Если посмотреть на мировую статистику, картина становится не просто тревожной, а очевидной.

По данным Всемирной организации здравоохранения, ишемическая болезнь сердца остаётся самой распространённой причиной смерти в мире. На неё приходится около 13% всех летальных исходов.

С 2000 года число умерших от неё увеличилось на 2,7 миллиона и достигло 9,1 миллиона случаев в 2021 году [1].

Сердечно-сосудистые заболевания в целом ежегодно уносят около 17,9 миллиона жизней [2].

Онкологические заболевания — около 10 миллионов [3].

Это не единичные случаи. Это глобальная картина.

В США, согласно данным Американской кардиологической статистике, сердечно-сосудистые заболевания становятся причиной примерно одной из каждых четырёх смертей [4].

В Европе — почти половины [5].

В России — около 55,7% [6].

И эта ситуация не улучшается. Более того, рост наблюдается и по другим заболеваниям.

Диабет за последние десятилетия вошёл в число ведущих причин смертности, показав увеличение примерно на 95% с 2000 года [1].

По данным исследований, опубликованных в BMJ Oncology, заболеваемость раком с ранним началом выросла на 79,1%, а смертность — на 27,7% в период с 1990 по 2019 год [7].

Меняется не только физическое здоровье. Меняется и психическое состояние людей.

Количество людей с депрессией в мире увеличилось с 182 миллионов в 1990 году до более чем 290 миллионов в 2019 году, то есть на 59,3% [8].

Среди подростков рост ещё заметнее: около 57 миллионов случаев в 2021 году — почти на 50% больше, чем в 1990 [8].

Это уже не отдельные случаи. Это массовое состояние. И здесь возникает противоречие. Медицина развивается быстрее, чем когда-либо. Технологии диагностики совершенствуются. Лечение становится точнее. Но здоровье людей не улучшается.

Если объяснять это привычно, всё выглядит логично: питание, образ жизни, экология. Но если бы дело было только в этом, изменения были бы постепенными. А мы видим скачок. И именно за последние десятилетия. Что изменилось? Ответ

лежит на поверхности. Но мы настолько к нему привыкли, что перестали его замечать.

1.2 Когда информация становится воздействием

Еще 30 лет назад поток новостей был ограничен. Газета. Радио. Один-два выпуска новостей по телевизору.

Огромную роль в новой тревожной реальности сыграли темпы технологического прогресса. Вот ключевые изгибы этого пути:

- В 1991 году был открыт первый публично доступный сайт World Wide Web;
- В 1995 — запуск первых поисковиков и интернет-порталов;
- 2004 — появление Facebook (Meta), в 2006 — Twitter, а через пару лет — инстаграм и WhatsApp;
- В 2010-х годах происходит взрывной рост цифровых технологий, информации становится настолько много, что её объёмы увеличиваются быстрее, чем когда-либо в истории.

Характер изменений радикален: если в обществе XX века внешние инновации требовали десятилетий на усвоение и были связаны прежде всего с экономической парадигмой, то после 2000-х технологий становится так много и они столь многолики, что оказываются не просто инструментом, а своеобразной невидимой средой, которая ежедневно формирует образ мышления и восприятия ситуации миллиардами людей.

Широким фронтом распространяются не только удобства (доступ к информации, онлайн-банкинг, цифровая медицина и пр.), но и пресс на психику: невозможность отключиться от новостей, страх упущенных возможностей, постоянное сравнение себя с тысячами «друзей» и «знакомых». Крупное международное исследование 2022 года (3Gem по заказу OpenText, более 27 000 участников) показало: около 76% считают, что информационная перегрузка способствует их ежедневному стрессу [9].

Сегодня информация не останавливается ни на секунду:

- Новости

- Социальные сети
- Видео
- Ленты
- Уведомления

И главное — содержание этого потока. Катастрофы. Теракты. Насилие. Угрозы. Человек не находится на месте событий. Но он видит всё. Иногда — больше, чем очевидцы. И здесь происходит важная вещь. Информация становится переживанием.

Исследование Калифорнийского университета в Ирвайне показало неожиданный результат. Люди, которые просто следили за новостями о теракте на Бостонском марафоне, в ряде случаев испытывали более сильный стресс, чем те, кто находился рядом с местом трагедии [10].

Это означает: **информация может воздействовать так же, как реальное событие.**

После теракта 11 сентября было зафиксировано:

1. рост тревожности
2. рост симптомов посттравматического стресса
3. рост сердечно-сосудистых заболеваний

В одном из исследований отмечалось увеличение таких случаев на 53% в течение последующих лет у людей, переживших интенсивное воздействие медиаконтента [11].

И это не совпадение. Когда человек постоянно сталкивается с тревожной информацией, стресс не завершается. Он становится хроническим и начинает влиять на всё: сердце, иммунитет, гормоны.

Дальше больше — риск инфаркта, инсульта, диабета, онкологии, депрессии. Это начинается с эмоции — и переходит в физиологию. В итоге выстраивается цепочка:

- поток тревожной информации
- постоянное напряжение
- ухудшение здоровья.

И эта цепочка повторяется по всему миру. Синхронно. И именно последние 30 лет.

Когда одновременно растёт количество заболеваний — это уже не выглядит как случайность. Это выглядит как закономерность.

Если информация способна: менять состояние человека, влиять на здоровье миллионов людей, то возникает вопрос: это просто побочный эффект... или инструмент? И если это инструмент — кто им пользуется? С этого начинается расследование.

Глава 2. Страх, который не уходит

Если спросить Мэгги, что произошло с ней за этот день, она, скорее всего, ответит: «ничего». И это будет правдой. С ней действительно ничего не произошло. Но к вечеру она чувствовала напряжение, усталость, раздражение — как будто день был тяжёлым. Хотя он таким не был. И в этом — ключевая странность.

Если остановиться в этом месте и прислушаться к себе, становится ясно: это состояние знакомо.

Когда снаружи всё спокойно, но внутри остаётся напряжение, которое никуда не уходит. Обычно мы не задаёмся вопросом, откуда оно берётся. Списываем на усталость. На работу. На недосып. Но есть ситуации, в которых это становится особенно заметно. Когда человек переживает то, чего с ним лично не происходило.

Бостон. Когда событие выходит за пределы места

15 апреля 2013 года в США проходил ежегодный Бостонский марафон. Это не просто спортивное событие. Это день, когда тысячи людей выходят на улицы — участники, семьи, зрители. Финишная прямая. Люди встречают бегунов. Аплодисменты. Фотографии.

В 14:49 по местному времени произошёл первый взрыв. Через несколько секунд — второй. Самодельные взрывные устройства были спрятаны в рюкзаках и оставлены среди зрителей.

Три человека погибли. Более 260 получили ранения.

Среди пострадавших — люди, потерявшие конечности. Люди, которые пришли просто поддержать участников. Семьи с детьми.

Это трагедия.

Но дальше происходит то, что меняет масштаб происходящего. Практически сразу после взрывов видео с места событий появляются в новостях. Камеры фиксируют момент взрыва. Дым. Крики. Людей, падающих на асфальт. Эти кадры начинают распространяться. Не только в США. По всему миру. И здесь важно не само событие. А то, что происходит после него.

Исследование, которое показало неожиданный результат

Группа учёных под руководством психолога Элисон Холмэн (University of California, Irvine) в тот момент уже проводила исследование. Они изучали психическое состояние около 5000 человек. Сбор данных завершился буквально за день до теракта. И это дало уникальную возможность: сравнить состояние людей **до** и **после** трагедии.

Через несколько недель после взрывов участников исследования снова опросили. Результаты оказались неожиданными. Наиболее высокий уровень стресса показали не только те, кто находился на месте событий. Сильные реакции наблюдались у людей, которые активно следили за новостями о теракте. Причём ключевым фактором оказалось не личное знакомство с пострадавшими и не географическая близость. А количество времени, проведённого за просмотром новостей.

Люди, которые смотрели репортажи по несколько часов в день, демонстрировали более выраженные симптомы стресса.

Это меняет понимание происходящего.

Человек не был на месте трагедии. Не видел её своими глазами. Но он: видел кадры, слышал крики, наблюдал последствия. И делал это многократно. Не один раз. А десятки. Для психики это имеет значение. Потому что восприятие не строится только на факте события. Оно строится на том, **как часто и как именно человек с ним сталкивается.**

Масштаб, который трудно заметить

Та же логика проявилась и после событий 11 сентября 2001 года. Миллионы людей по всему миру наблюдали за происходящим через экраны. Кадры разрушений, падающих башен, людей, бегущих от пыли и обломков, становились частью повседневного информационного потока.

И последствия фиксировались не только на уровне эмоций. Исследования показали: увеличение симптомов тревоги, признаки посттравматического стресса, рост проблем с сердечно-сосудистой системой. Даже у тех, кто находился далеко от Нью-Йорка.

Общий механизм

Если рассмотреть эти события без привязки к месту и времени, становится заметна общая закономерность.

Сильное событие → его широкое освещение → многократное воспроизведение → устойчивое состояние тревоги.

И это состояние может сохраняться намного дольше самого события.

Что меняется для человека

В обычной ситуации стресс имеет границы.

Он возникает в ответ на событие и со временем уменьшается. Но здесь этот процесс работает иначе. Человек продолжает сталкиваться с одним и тем же событием в информационном поле. И его реакция не завершается. Это не острая эмоция. Это состояние, которое остаётся. Почти незаметное. Но устойчивое.

Почему это важно

Если один человек испытывает подобное состояние — это личный опыт. Но если это происходит с большим количеством людей одновременно — это уже закономерность. И тогда возникает следующий уровень понимания. Речь идёт не только о самих событиях. А о том, как именно они становятся частью повседневной жизни миллионов людей.

К этому моменту становится ясно: человек может испытывать сильный стресс, не находясь в эпицентре событий. Достаточно того, что он регулярно сталкивается с ними через информацию. И это меняет саму природу страха. Раньше страх возникал тогда, когда человек действительно сталкивался с угрозой. Теперь этого больше не требуется. Потому что для нашего сознания нет принципиальной разницы между тем, что происходит с нами напрямую, и тем, что мы проживаем через восприятие.

Вспомните, как мы смотрим фильмы. Мы переживаем за героев. Радует их успехам. Влюбляемся и боимся вместе с ними. Хотя прекрасно понимаем: происходящее не касается нас.

Но в момент просмотра мы всё равно проживаем его как опыт. Теперь задайте себе вопрос: если так работает с художественным фильмом, то разве по-другому работает восприятие, когда мы смотрим реальные события? Когда видим трагедии. Когда слышим крики. Когда наблюдаем страх других людей. Сознание не отделяет это полностью. Оно проживает. И если это происходит регулярно, состояние закрепляется. Человек может жить в безопасности — и при этом чувствовать угрозу. Не потому, что она рядом. А потому что он с ней сталкивается.

И тогда возникают вопросы, которые невозможно обойти. Неужели те, кто создаёт этот поток информации, этого не понимают? Неужели люди, работающие в медиа, в кино, в новостях, не знают, как это влияет на психику? Если знают — то почему информация подаётся именно так?

Почему в центре — страх? Почему акцент — на угрозе? Почему это повторяется снова и снова?

Кто принимает эти решения? И главное — зачем держать людей в этом состоянии?

С этого момента вопрос уже не в том, что происходит. А в том, кто и с какой целью формирует это восприятие.

Глава 3. Информационная атака

Не вся информация действует на человека одинаково. Мы привыкли воспринимать новости как что-то нейтральное. Как просто поток фактов. События, которые где-то происходят. Но если остановиться и посмотреть внимательнее, становится видно: одни новости проходят мимо, а другие — остаются внутри. Иногда это почти незаметно. Ты посмотрел — и забыл. А иногда — нет. Некоторые сюжеты возвращаются. В течение дня. Вечером. Перед сном. И дело не только в самих событиях. Дело в том, как именно они подаются. Есть информация, которая сообщает. А есть информация, которая втягивает. Она не просто рассказывает, что произошло. Она заставляет проживать это: с деталями, с эмоциями, с напряжением. И главное — она не заканчивается в момент просмотра. Один и тот же сюжет появляется снова: в новостях, в коротких видео, в обсуждениях, в комментариях. Человек не ищет этого специально. Но сталкивается.

И здесь возникает эффект, который сложно заметить сразу. Событие уже закончилось. Но контакт с ним — продолжается. Мозг не получает чёткого сигнала, что всё позади. И реакция не успевает завершиться. Если это происходит редко — ничего критичного. Но если это становится регулярным, возникает состояние, которое многие узнают: мысли возвращаются, образы всплывают, внимание снова и снова цепляется за одно и то же. Это называют по-разному. Но, по сути, это одно: «мысленная жвачка». Она не требует усилий. Она возникает сама. И чем чаще человек сталкивается с одним и тем же, тем сильнее это закрепляется.

Важно понять ещё одну вещь. Не каждая тревожная новость вызывает такой эффект. Разница — в подаче. Иногда информация просто сообщает факт. Коротко. Без давления. Без лишних деталей. И тогда психика обрабатывает её и идёт дальше. Но есть другой формат. Когда внимание удерживается специально. Когда акцент — на эмоции. Когда показывают реакции людей. Подчёркивают страх. Добавляют напряжение. И возвращают к этому снова. В разных формах. В разное время. На разных площадках. И тогда возникает явление, которое можно назвать: **инфотеракт**. Это не обязательно ложь. Это может быть реальное событие. Но поданное так, что человек не просто узнаёт о нём — он в него втягивается. И проживает его не один раз.

Инфотеракт строится на трёх вещах:

- **Повтор** — событие не исчезает.
- **Эмоциональное усиление** — важно не что произошло, а что человек чувствует.
- **Длительный контакт** — человек сталкивается с этим снова и снова.

И именно эта комбинация даёт тот эффект, о котором мы говорили раньше. Человек может находиться в безопасности — и при этом ощущать напряжение. Не потому, что рядом есть угроза. А потому что он постоянно с ней соприкасается. Если посмотреть шире, становится заметно ещё одно. Это не единичные случаи. Одни и те же приёмы. Одни и те же акценты. Одни и те же реакции. И это наблюдается на протяжении последних десятилетий. Примерно тех самых, в течение которых одновременно ухудшается здоровье людей. Можно ли назвать это случайностью? Возможно. Но когда повторяется не только событие, а способ его подачи — это уже выглядит иначе.

И тогда возникают вопросы. Если информация может: влиять на наше состояние, удерживать внимание, закрепляться внутри, значит ли это, что она используется не только для того, чтобы сообщать факты? А как инструмент воздействия? Почему одни темы не отпускают человека днями, а другие исчезают сразу?

Глава 4. Инфотеракты и люди за кулисами: хроника невидимой войны

4.1 Вы уже подумали

Невидимая рука, управляющая страхом, меняет современный мир куда глубже, чем кажется на первый взгляд. Если перед этим мы раскрыли, как тревожная информация способна подменять непосредственный опыт и укореняться в повседневности, то здесь мы переходим от абстрактного механизма к конкретной руке, что запускает цепные реакции — к тем, кто стоит за инфотерактами, кто превращает страх в оружие и направляет его на массовое население.

Сегодня инфотеракты — не просто случайные вспышки информационного напряжения, а технологически выверенные операции, имеющие цель. Террор распространяется не только через конкретные трагические события, но и путём контролируемого повторения, эмоционального усиления, искусственного смещения акцентов. Этот террор планируется, поддерживается и распространяется транснациональными сетями, которые напрямую влияют на общественное мнение и даже на физиологию миллионов людей.

Ключевой механизм инфотеракта — это распространение и внедрение в массовое сознание понятий, которые начинают жить собственной, разрушительной жизнью. Одно из этих понятий — слово «секта» или «культ».

Что именно стоит за этим словом? Большинство людей не смогут дать точное определение. Но при этом очень хорошо понимают, что это «что-то плохое».

Остановитесь на секунду.

Какие ассоциации у вас возникают, когда вы слышите слово: «секта»? Скорее всего, вы уже что-то подумали. Опасность. Люди, которые «не в себе». Могут всплывать образы:

- контроль над разумом
- зомбированные люди
- навязчивые идеи
- конец света
- рабство
- фанатики
- жертвоприношения

И заметьте: вы не проверяли факты. Вы не разбирались, о какой группе идёт речь. Вы просто сделали вывод.

Значимость ярлыков «секта» или «культ» в современной цивилизации сложно переоценить: они стали универсальным клеймом, инструментом дегуманизации, стигматизации и последующего исключения миллионов людей из социальной жизни.

***Дегуманизация** — это когда человека перестают видеть как человека, и поэтому с ним начинают обращаться иначе.*

Было: человек со своими чувствами, болью, семьёй.

Стало: «они», «эти», «они не такие, как мы», «это не люди», «это стадо», «это зараза».

Стигматизация — это когда человеку или группе навешивают ярлык, и начинают воспринимать их через этот ярлык, а не как личность.

Было: человек со своей историей.

Стало: «она из секты», «он ненадёжный».

Человека «свели» к одному признаку.

В середине 1970-х годов термин «культ», ранее употреблявшийся преимущественно в научной среде — в работах историков религии, теологов и этнографов, — начинает активно выходить в публичное пространство и прочно закрепляется в средствах массовой информации.

Как отмечает профессор Игорь Яковлевич Кантеров, подавляющее большинство материалов о «культах» носило сенсационно-обличительный характер, а само слово оказалось востребовано журналистами благодаря своей «краткости, боевитости и эмоциональности». При этом его негативная коннотация легко усиливалась дополнительными характеристиками — такими как «самоубийственный культ» или «дьявольский культ», — что способствовало формированию устойчивых клише.

В результате термин стал использоваться как обобщающая метка, включающая набор типичных негативных признаков: обвинения в обмане, манипуляции сознанием, разрушении семей и противоправной деятельности.

Параллельно в общественном и политическом дискурсе широкое распространение получили и другие оценочные определения — «тоталитарные секты», «деструктивные культы», «псевдорелигии», — которые, как подчёркивает Кантеров, не имеют чёткого научного и правового определения, но активно используются в СМИ, выступлениях политиков и даже официальных документах.

Подобная терминология не только формирует предвзятое восприятие новых религиозных движений, но и способна влиять на отношение к ним со стороны общества (вызывает у читателя и зрителя устойчивую реакцию страха и неприятия) и государственных институтов, вплоть до дискриминации и преследования их последователей [12].

Использование таких клише в последнее время не ограничивается описанием религиозных групп. Легко можно убедиться: любое отступление от доминирующего мировоззренческого стандарта становится потенциальной мишенью. Сегодня за «деструктивными культами» кроются не только религиозные меньшинства, но и общественные движения, образовательные инициативы, психотерапевтические практики. На Западе, в России, в Азии — везде, где присутствует полевая сеть антикультовой тематики, запускается единый сценарий: навешивание ярлыков → стигматизация → общественная изоляция → рост психических и соматических болезней. Всё это фиксируется не только в научных публикациях, но в каждой информационной волне последних десятилетий.

4.2 Главные режиссёры: кто запускает инфотеракт?

Раскрывая механизмы работы инфотеракта, невозможно обойти стороной тех, кто стоит за созданием и управлением этими понятиями, а значит — и за формированием образа врага. Согласно расследованию группы независимых журналистов, международная антикультовая сеть — это не выдумка, а реальная транснациональная террористическая структура, действующая по строгому сценарию [13].

В США в центре этой системы — такие фигуры, как Стивен Хассан и Рик Алан Росс.

Стивен Хассан — бывший участник «Объединённой церкви» Муна, стал ведущим пропагандистом концепции «культа» как угрозы массам. Его книги и интервью систематически повторяют мантру: секта — это тоталитарная ловушка, из которой человек неспособен выйти без внешнего вмешательства.

Американские СМИ регулярно приглашают Стивена в качестве «эксперта по культам», однако, как правило, опускают тот факт, что его профессиональная биография включает участие в практиках депрограммирования, подвергавшихся критике за нарушение прав человека.

Хассан был связан с сетью информирования о «культах» — антирелигиозной структурой, фактически выполнявшей функции национальной системы поиска и

координации депрограммистов. В рамках этой практики применялись принудительные методы: людей насильно изолировали, удерживали против их воли, подвергали физическому воздействию и систематическому психологическому давлению с целью сломить их убеждения и добиться отказа от религиозной идентичности. Эти действия сопровождались финансовыми интересами и носили характер организованной деятельности. Сам Стивен в этот период фигурирует как активный участник подобных операций.

В случае с Артуром Розеллом утверждается, что группа под руководством Хассана в течение длительного времени удерживала его в условиях принуждения, пытаясь сломить его веру. В показаниях под присягой Розелл описывает физическое насилие и систематическое давление: его силой удерживали, лишали сна, подвергали психологическому воздействию и угрозам, постоянно сопровождали в туалет, при том, что руки были связаны. По его словам, ему угрожали принудительными инъекциями и пытались вынудить дать ложные показания.

Ситуация описывается как воздействие, направленное на подавление воли и разрушение личной позиции человека.

Далее последовали показания Лорны Салах. По её словам, группа, связанная с Хассаном, **проникла в её номер в мотеле, силой сбросила её с кровати и пригрозила сломать ей ногу в случае попытки позвать на помощь или сбежать. После этого её насильно вывезли и удерживали в изолированном месте, где на протяжении восьми дней она находилась под фактическим лишением свободы, подвергаясь постоянному давлению с целью заставить её отказаться от своих религиозных убеждений.**

Салах утверждала, что после того, как эти попытки не дали результата, давление не прекратилось. В течение последующих трёх дней Хассан над ней издевался. К ней применялись угрозы и интенсивное психологическое воздействие, пока ей не удалось договориться о своём освобождении.

Описанные обстоятельства свидетельствуют о последовательном принуждении, направленном на подавление воли и изменение убеждений.

Рик Алан Росс — еще более одиозная личность. Он напрямую участвовал в ряде «депрограммирующих» операций, часто **с применением насилия,**

похищений, шантажа, физического и психического давления. За годы своей деятельности провёл более 500 сеансов принудительного депрограммирования.

В 1991 году ему было предъявлено обвинение, связанное с незаконным удержанием и попыткой принудительного депрограммирования Джейсона Скотта — участника Объединённой пятидесятнической церкви, чья мать обратилась к Россу по рекомендации представителей CAN. Впоследствии Скотт подал против Росса, двух его сообщников и организации CAN гражданский иск в федеральный суд.

В сентябре 1995 года жюри присяжных, состоявшее из девяти человек, единогласно признало Росса и его сообщников виновными в сговоре с целью лишения Джейсона Скотта гражданских прав и свободы вероисповедания. Кроме того, жюри пришло к выводу, что Росс и его сообщники *«умышленно или неосторожно действовали таким образом, который был настолько возмутительным по своему характеру и настолько экстремальным по степени, что выходил за все возможные рамки приличия и считался чудовищным и совершенно недопустимым в цивилизованном обществе»* [14].

Деятельность Росса в этом деле о похищении привела к закрытию Сети информирования о культах (CAN), которая была раскрыта как структура, связанная с практиками принудительного депрограммирования. История Джейсона Скотта, ставшего жертвой этих действий, описывается как крайне жестокая. Его захватили с применением силы: **повалили на землю, затолкали в фургон, надели наручники, заклеили рот и связали ноги. Во время похищения на нём сидел мужчина весом около 136 килограммов.**

В результате захвата Скотт получил множественные синяки и ссадины — **на ногах, спине и верхней части тела, когда его протаскивали по лестнице, полу и через внутренний двор.** Затем его удерживали в изолированном помещении под постоянным контролем. В течение пяти дней на него оказывалось интенсивное психологическое давление: **его оскорбляли, ему угрожали и пытались заставить отказаться от религиозных убеждений.** По утверждениям, Росс применял физическое воздействие, нанося удары по голове во время споров о вере. Освобождение Скотта ставилось в зависимость от его согласия отказаться от своих убеждений.

Его демонстрируемые «успехи» в депрограммировании сопровождались разрушенными судьбами и тяжёлыми психологическими травмами. В своей деятельности Росс опирался на страхи и уязвимости людей, используя расчётливый, холодный подход для извлечения выгоды из их состояния. Его действия характеризуются применением насилия, жестокости и хладнокровия, превращая страдания людей в инструмент достижения собственных целей и источник выгоды.

Его имя десятки раз **упоминается в серьёзных расследованиях по похищениям несовершеннолетних** членов религиозных движений — Росс **при этом остаётся признанным «экспертом»** практически во всех антикультовых делах.

4.3 Роль СМИ: не просто трансляция, но и смещение границ дозволенного

Несмотря на представленные в ряде материалов свидетельства, характеризующие Хассана и Росса как людей, применявших жестокие и травмирующие методы и обвиняемых в отсутствии эмпатии и склонности к причинению вреда, **они продолжают (внимание!) регулярно появляться на ведущих американских телеканалах.**

Характерная черта деятельности антикультовой сети — обязательное присоединение медиа и формирование вокруг мишени атмосферы страха и напряжённости.

Публикации этих «экспертов» выходят в крупных изданиях. Их слова тиражируются без малейшей критики, формируя единственный возможный взгляд на проблему.

Любой случай можно увидеть сквозь повторяющиеся заголовки: «семья спасена из лап культа», «родители возвращают ребёнка», «секретные ритуалы», «тоталитарная манипуляция». Эти заголовки не просто информируют: они предрешают исход, формируют коллективное мнение.

После такого освещения даже самая нейтральная организация становится «угрозой» для общества. А значит, следующий шаг —

репрессивная операция, иногда включающая насильственное депрограммирование, уголовное преследование, долгие судебные тяжбы.

Давайте посмотрим на это со стороны.

Антикультисты, которые сами должны сидеть на скамье подсудимых способствуют тому, чтобы за решетку попадали законопослушные верующие. Не абсурд ли?

Возникают вполне закономерные вопросы: кто их крышует? Какая сила обеспечивает этим деятелям неприкосновенность?

Глава 5. Одиночество против толпы: как риторика ненависти становится мировым стандартом

5.1 Когда ненависть становится нормой

Есть ли у вас ощущение, что ненависть — это не просто эмоция, а уже часть мирового порядка? Если вы сегодня откроете любой публичный ресурс, даже в теме, далёкой от политики, вы столкнётесь с незамысловатой формулой: «Америка — это зло». И пишут так не те, кто имеет личный опыт или даже путешествовал в эти края, а россияне, уверенные, что беды всех народов планеты идут именно от США. Но этот поток вражды стал настолько устойчивым, насколько массовым: тысячи людей легко несут на себе печать немотивированной агрессии, не имея ни собственного опыта, ни фактических знаний.

За этим феноменом не просто случайность. Бесконтактная ненависть — стиль мышления нового времени, которым управляют организованные силы. Как показывает расследование международных журналистов, за такой риторикой стоит не разобщённая толпа, а хорошо структурированная сеть, которая формирует сюжет как внутри страны, так и за её пределами: «Америка — враг», «Россия — опасна», «они — не такие, как мы».

В реальности за такими потоками скрывается работа целых идеологических штабов, чья цель — формирование массового страха и отчуждения. Самое важное: мы сталкиваемся с этим не только в политических новостях, но и под бытовыми роликами, в комментариях к видео по теме климата, музыки, образования. Это говорит о глубокой трансформации: человек, не имеющий личных претензий, вдруг становится носителем злобы, как будто кто-то через слова внедряет в его сознание образ врага.

Здесь возникает принципиальный вопрос: **кто формирует это мышление?**

Почему люди, не встречавшие жителей других государств, не знающие их лично, вдруг пишут в интернете свои комментарии в случае природного катаклизма, чрезвычайной ситуации или террористического акта: «Сами виноваты!», «Так им и надо!», «Это вам за то, что...».

Откуда появляется уверенность — что чужую боль нужно приветствовать? Кто вкладывает эти реакции? И в какой момент они начинают казаться человеку его собственными мыслями?

Наше расследование пойдёт дальше — и покажет ещё более тревожную картину: та же логика начинает работать внутри одного государства. Люди начинают говорить во враждебном ключе уже друг о друге.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо выйти за пределы отдельных стран. И посмотреть на структуру целиком. Как говорится: лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии.

Если внимательно посмотреть на наш мир, можно заметить в разных странах существуют люди и организации, которые берут на себя роль «объяснителей опасности». Они говорят обществу, кого стоит бояться. Они не называют себя политиками или пропагандистами. Наоборот. Они выступают как эксперты. Их приглашают на телевидение. Их цитируют журналисты. Их книги издаются и распространяются. Их мнение учитывают государственные структуры. Если вы впервые сталкиваетесь с такой фигурой, всё выглядит логично. Перед вами человек, который уверенно говорит о «скрытых угрозах». Он использует сложные термины. Ссылается на «исследования». Приводит примеры. И у вас возникает простое ощущение: он знает больше, чем я. А значит, ему можно доверять.

5.2 Как создаётся образ врага?

Теперь представьте, что вы ничего не знаете о религиозных движениях, впервые слышите о некой группе людей. Вы не знакомы с ними лично. Не читали о них. Не сталкивались в жизни. И вдруг вы слышите в новостях:

Александр Дворкин: *тоталитарные секты опасны; они представляют собой значительную социальную угрозу [15].*

Рик Алан Росс: *когда большинство людей используют слово «культ» для обозначения группы, они подразумевают деструктивный культ. Культы, которые причиняют людям боль посредством насилия. Это может быть физическая, психическая, эмоциональная, сексуальная или финансовая эксплуатация... Часто это обман, принудительное насилие и неустанный авторитарный характер [16].*

Стивен Хасан: *существует множество различных типов культов, контролирующих сознание. Есть религиозные культы, терапевтические культы, бизнес-культы, политические культы, культы личности [17].*

Вы не проверяете это. Вы не идёте изучать тему глубже. Но в голове уже появляется образ. Опасность. Контроль. Что-то чужое и тревожное.

Какая возникает первая реакция? Скорее всего — настороженность. И всё это — до того, как вы увидели хотя бы одного человека из этой группы. Чтобы увидеть, как это работает в реальности, разберём конкретный пример.

Свидетели Иеговы. Если вы никогда не слышали об этой группе, кратко: это международное христианское религиозное движение.

Они читают Библию, обсуждают веру, собираются вместе, ведут спокойный образ жизни. Они не участвуют в политике, не берут в руки оружие, известны своей позицией ненасилия.

Еще это люди, которые живут рядом с вами, быть может даже ваши соседи, учителя, строители, коллеги на работе. Создают семьи. Заботятся о родных и близких. Это воспитанные, добросовестные, порядочные и образованные граждане. Ничего необычного.

А теперь вернёмся к тому, как о них начинают говорить. Приведем несколько примеров:

«Секта свидетелей Иеговы держится не за счёт веры, их там дурацкой, абсурдной, противоречащей себе веры, но она держится за счёт жёсткого контроля секты» [18].

«Очень жёсткая, тоталитарная секта, случаи педофилии, на самом деле этих случаев сотни, и секта всякий раз покрывала» [19].

«Фактически, то, что они отдают бесплатно, это похоже примерно, как торговец наркотиками в подворотне первый укол делает бесплатно, и даже второй делает бесплатно, а за третьим уколом к нему уже прибегут за деньгами.

Это делают люди бесплатно, которые работают ненормированный рабочий день в обмен на койку в общежитии и питание в общей столовой. Питание поступает из ферм свидетелей Иеговы. Там такие же рабы производят эту еду.

То есть, минимальный расход» [20].

5.3 Слова, которые меняют восприятие

Попробуйте почувствовать разницу. Перед вами те же самые люди. Но после таких формулировок восприятие меняется. Появляется недоверие. Настороженность. Иногда — страх.

«Свидетели Иеговы» утверждают, что в этой телепередаче о них распространялась ложная информация. В документе говорится, что «авторы телепередачи умышленно формировали её таким образом, чтобы вызвать у телезрителей вражду и ненависть более чем к 160 000 граждан России по признаку их религиозной принадлежности, а также побудить телезрителей к действию против религиозной группы Свидетелей Иеговы. С этой целью организаторы телепередачи распространили клеветнические сведения о причастности Свидетелей Иеговы к жестоким уголовным преступлениям».

Лингвистическая экспертиза, проведенная профессором, действительным членом МАН ВШ Н. Голевым аспирантом кафедры русского языка Кемеровского госуниверситета Н. Обелюнас установила, что в передаче «присутствует информация, которая может очернить честь и достоинство отдельных членов организации и организацию в целом, а также информация, умаляющая деловую

репутацию «Свидетелей Иеговы»», а в ее заключительном фрагменте присутствует «скрытый призыв к действиям правоохранительных органов или других органов власти против «Свидетелей Иеговы».

Особенно сильное воздействие оказывают сравнения: *«Секты себя в обществе ведут как раковая опухоль в организме, которая тянет из общества соки, питается за счёт общества, покуда, собственно, организм не погибает. В случае, если мы говорим о раковой опухоли, так же, собственно, и секта разрушает общество изнутри» [21].*

Как вам эта фраза? Только честно. Если человека сравнить с раковой опухолью — что с ним нужно делать? Лечить? Удалять? Изолировать?

Вы понимаете, к чему это ведёт? Это уже не описание, а формирование отношения. И здесь возникает важный поворот. После того как в обществе закрепляется такой образ, меняется не только мнение. Меняется поведение.

Причём важно отметить: речь не идёт о том, что эти люди начинают причинять вред окружающим. Они и пальцем никого не тронут, они пацифисты. Наоборот. Агрессия начинает исходить по отношению к ним. Не потому, что свидетели Иеговы кому-то причинили вред, а потому что их называли сектантами.

5.4 Кто задаёт тон?

В России одним из главных источников человеконенавистнической риторики становится Александр Дворкин.

Если вы никогда о нём не слышали, то для общества он представлен как специалист по «сектам». Он возглавляет организацию с длинным названием Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Сокращённо — РАЦИРС.

Сама формулировка уже создаёт доверие: «изучение», «центры», «ассоциация».

Звучит как научная деятельность. Но если вслушаться в содержание его выступлений, можно заметить, что там постоянно повторяются одни и те же тезисы:

- о «тоталитарных сектах».

- о «разрушении личности».
- о «контроле сознания».
- о «скрытой опасности».

И эти формулировки начинают жить собственной жизнью.

Важно понять один момент. Сам по себе человек, который впервые слышит слово «секта», не знает, что оно означает. Но при этом оно уже нагружено смыслом.

И что мы дальше наблюдаем после выступлений «эксперта» Дворкина, который намеренно приводит ассоциативные примеры с чем-то чрезвычайно опасным и вредным, с тем, что требует немедленного устранения?

Мы видим, как в обществе меняется обстановка. Она делится на «до» и «после». Свидетели Иеговы путем дегуманизации превращаются в глазах соседей, знакомых, родственников, коллег, одноклассников в абсолютное зло.

Это уже не слова и не ярлыки. Это реальные последствия для конкретных людей:

*«27 апреля 2011 года, г. Ивантеевка (Московская обл.). Свидетель Иеговы А. М. (12 лет), ученица 6 -го класса школы № 2, поставила в известность своего классного преподавателя А. Данько о том, что она не сможет участвовать в мероприятии, посвященном 9 мая. Она объяснила свою позицию тем, что она не хочет «учиться воевать», так как в Библии прочитала, что Богу это не угодно. Девочка, однако, столкнулась с издевательствами со стороны одноклассников, которые **оскорбляли ее, называя сектанткой**. На следующий день один из них, Т. Мараров, на перемене привел в класс восьмиклассника, который снял ботинок с ноги и стал тыкать А. М. в лицо. При этом он **угрожал ей убийством**. Девочка, пытаясь защититься, оттолкнула восьмиклассника от себя, но он успел сильно ударить ее каблуком по виску. Узнав об этом, **директор школы Л. Жданова заявила, что девочка сама виновата в произошедшем. В итоге А. М. не была оказана медицинская помощь и ее родителям не сообщили об этом инциденте**» [22].*

Следующий случай шокирует не меньше:

«24 апреля 2011 года, г. Шебекино (Белгородская обл.) Е. и В. Звягинцевы, Свидетели Иеговы, делились с людьми своими религиозными убеждениями и были задержаны вооруженной группой быстрого реагирования ОВД под руководством

*А. Драчева и доставлены в ОВД. В отделении супругов развели по разным кабинетам, и в течение 4 часов их допрашивали оперуполномоченный уголовного розыска капитан А. Тронов и майор С. Бочарников, задавая вопросы о религиозных взглядах. А. Тронов запретил верующим звонить адвокату, пояснив: **“Это еще мы живем в демократической стране, а был бы 1937 год, вас бы расстреляли за этим забором!”** Кроме того, верующих запугивали заключением в одну камеру с наркоманами. В отношении Е. Звягинцевой было возбуждено дело об административном правонарушении» [22].*

К огромному сожалению, подобных историй множество.

И всё это делается не потому, что жертвы кому-то реально причинили вред, а потому, что в голове нападающего уже вставлен образ врага. Человек перестаёт видеть перед собой людей.

Теперь следующий шаг.

Если общество начинает воспринимать группу как опасную, это постепенно влияет на решения государства. В России это привело к тому, что в 2017 году Свидетели Иеговы были признаны экстремистской организацией. Здесь важно остановиться и объяснить, что это значит.

Слово «экстремизм» обычно связано с насилием, терроризмом, с призывами к агрессии. Когда человек слышит это слово, он представляет угрозу. Но в данном случае речь шла о религиозной деятельности. Собрания. Чтение Библии. Обсуждение веры. Тем не менее, после решения суда всё это оказалось под запретом.

И вот здесь начинается то, что невозможно игнорировать. Реальные последствия. По всей стране проходят обыски. Рано утром люди в форме приходят в дома. Переворачивают вещи. Изучают личные книги, записи, компьютеры, телефоны. Людей задерживают. Возбуждаются уголовные дела. Некоторым назначают реальные сроки. Не за насилие. Не за преступления против людей. А за участие в религиозной жизни.

И теперь посмотрите на реакцию общества. Логично было бы ожидать возмущения. Людей сажают за веру и убеждения. Врываются в дома. Ломают судьбы. При живых родителях забирают детей в приюты. Пожилых людей с

инвалидностью сажают на серьезные сроки, очевидно и понятно, что живыми из тюрьмы они уже не выйдут... Но массовой реакции нет.

Почему? Потому что к этому моменту в сознании уже закреплено:

- это «секта»
- это «опасно»
- это «угроза»

И в этой логике всё начинает выглядеть иначе. Не как нарушение прав. А как «защита общества». И это ключевой момент.

А давайте посмотрим, как Александр Дворкин комментирует запрет деятельности свидетелей Иеговы (около 175 000 верующих). Это отрывки из его интервью:

«Что касается ликвидации организации Свидетелей Иеговы, то в этом смысле у меня с этим нет несогласия».

«Запрет организации безусловно помогает... ну прежде всего мы не видим Свидетелей Иеговы на улицах. И соответственно люди ограждены от их назойливой пропаганды, от их назойливой вербовки».

«Если мы говорим про Свидетелей Иеговы, я конечно надеюсь, что вот эти вот рядовые члены они хотя бы будут получать административку, но я понимаю, что я не юрист и закон есть закон» [23].

Какой заботливый человек этот Дворкин. Конечно же, он не юрист. Он просто находится на должности председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы **при Министерстве юстиции Российской Федерации.**

5.5 Механизм, который работает везде

А теперь давайте заглянем в простые кабинеты обычных следственных комитетов. Что происходит там?

«15 февраля 2019 года в Сургуте прошли массовые обыски по 22 адресам, где живут свидетели Иеговы (в 2017 году Верховный суд признал “Управленческий центр Свидетелей Иеговы” экстремистской организацией и запретил ее

деятельность в России, а также деятельность 395 региональных отделений). Обыски продолжались примерно четыре часа, затем всех задержанных доставили в Следственный комитет. Допросы длились до позднего вечера. Часть допрашиваемых сообщила о пытках, трех человек арестовали в рамках уголовного дела, возбужденного по статье 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации и участие в ее деятельности» (ч. 1 и ч. 2), а также «Склонение, вербовка и иное вовлечение лиц в деятельность экстремистской организации» (ч. 1.1)» [24].

Давайте посмотрим, как это было. Мы приведем всего несколько примеров, но, чтобы вы понимали, так поступили не с одним человеком.

По словам Сергея Волосникова, во время задержания к нему применяли недопустимые методы давления:

«У меня начался допрос на втором этаже. Следователь Гайсин вел допрос. Я ответил на их вопросы, они сняли еще видео, потом следователь Гайсин сходил к кому-то, а когда вернулся, сказал, что мои показания их не устраивают.

Меня повели на первый этаж.

Там поставили лицом к стене, через какое-то время меня уже завели в маленькую комнату, скрутили из плотной бумаги трубку, ударили четыре раза по голове, били ладошкой по лицу, били по почкам кулаком. Но я был в куртке, пуховик у меня плотный, поэтому не ощущал сильной боли.

Потом они положили меня на пол, связали руки и ноги скотчем, надели пакет на голову, так, что я дышать не мог. Пакет обмотали скотчем сверху, начали перекрывать мне воздух. Начали говорить, чтобы я дал показания, но я уже следователю все рассказал. Это продолжалось примерно тридцать минут.

Я пытался всячески сопротивляться, потому что мне нечем было дышать. Они перекрывали мне воздух в пакете, наверное, думали, что все нормально, ну мне реально не хватало воздуха, у меня было учащенное сердцебиение.

Мне было очень страшно, были моменты, когда я настраивал себя, что сейчас задохнусь. Я пытался вырваться, но они держали мои руки, заламывали пальцы, потом облили меня водой и стали бить меня электрошокером, несколько раз ударили меня по ногам, по задней поверхности бедра.

Били меня электрошокером по ягодицам и между ними. Естественно, все это наводило панику, просто жуткую, был момент, когда я вдыхал пакет вместе с воздухом прямо в горло. В этот момент я пытался зубами разгрызть пакет, чтобы были хоть какие-то дырки, чтобы дышать. Я начал кричать, что все расскажу.

Они продолжали меня удерживать на полу и начали спрашивать у меня фамилии. Я им говорил: “Знаю, встречались, виделись”. Только после того, как я начал оговаривать себя, они мне развязали ноги, разрезали ножом скотч.

Когда меня пытали, мне хотели сделать укол, я отчетливо чувствовал, как мне прикоснулись чем-то к ягодицам. Потом мне сказали, что следующая вакцина будет со спидом. Наверно, просто пугали, но я уже в этот момент начал давать какие-то показания.

Поставили меня на колени и прямо с пакетом на голове завели к следователю. Это был второй следователь, Ткач Степан, я начал говорить то, что им хотелось услышать, называть фамилии и отвечать на все остальные вопросы. **На допросе они упоминали, что мы разрушаем государственный строй Российской Федерации.**

Когда я сидел у следователя Ткача, я слышал, как пытаются Вячеслава Бороноса. Это было прямо за стенкой, поэтому следователь Ткач просто не мог этого не слышать.

Когда он решил провести со мной видеодопрос, то пошел и попросил своих: “Ребят, ну успокойтесь пока, у нас тут видеодопрос идет”.

Что кричал Боронос, я не разобрал, но я слышал звуки электрошокеров, как они трещали. После этого следователь мне сказал, что мне нужно подождать, потому что надо видеодопрос изложить на бумаге.

Следующие два часа я стоял лицом к стене. И пока стоял, я слышал, как пытали Алексея Плехова. Слева от меня лицом к стенке стоял Ким Артем, а справа находился Логинов Сергей» [24].

Семья Коботовых — Игорь, Юлия и их семилетний сын Егор — находились вместе в здании следственного отдела. Игоря не избивали, однако ему угрожали. Его супруге говорили о лишении свободы, а ребёнка — о передаче под опеку государства.

«Следователь начал издеваться: «Чего вы боитесь ребенка взять с собой на допрос, боитесь, что он вас выдаст?» Мы спросили: «Зачем травмировать ребенка? Егорке семь лет».

Мою супругу Юлю допросили и отпустили домой с ребенком, но вскоре следователь приказал их вернуть. По той простой причине, что я захотел воспользоваться 51-й статьей Конституции.

(Статья 51 Конституции РФ говорит: Никто не обязан свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников) [25].

Все это записывалось на телефон, тут же пришел полковник, он не представился, и в нецензурной форме сказал мне, что сейчас привезут мою жену оформлять мне в подельники. Другие сотрудники спросили, где искать эту опеку, полковник ответил, что тут не детский сад.

Привезли мою жену с ребенком. Меня все это время прессовали, водили из кабинета в кабинет.

Они угрожали мне распушить шов, который остался после недавней операции.

Следователь сказал, что хирурги тоже плохо могут зашивать. Врачебная ошибка, и все. Позади меня стоял мужчина в резиновых перчатках и постоянно брал меня за плечо. Я сидел в ожидании того, что со мной сейчас что-то сделают.

Мне угрожали изнасилованием, про жену говорили, что ее закроют и тоже будут насиловать. Когда Юлю привезли с ребенком второй раз, их завели со мной в кабинет следователя. Мы втроем обнялись и помолились.

Я сказал Юле, чтобы она говорила все, что требуют, потому что ребенок без нас не выдержит. Ей тоже сказали, что сейчас заберут ребенка, потом их отвели на второй этаж и сказали ждать органы опеки.

Егорка плакал, ей пришлось ребенку объяснять, что сейчас мама с папой уедут, а его заберут другие люди. Для ребенка это был большой стресс. Он обнимал маму и кричал, что никуда не пойдет. Через некоторое время к ним подошли и сказали, что они свободны» [24].

Что такого незаконного сделали эти люди?

Вот давайте без ярлыков. Без заранее вставленного в голову образа «опасной секты».

Что именно? Они верили в Бога так, как считали правильным и жили в согласии со своими убеждениями. Разве это преступление? С каких пор человек должен у кого-то спрашивать разрешение, как ему верить? У чиновника? У телеведущего? У «эксперта по сектам»? У представителя господствующей конфессии?

Вам не кажется странным, что предъявляют претензии к человеку только потому, что он молится не так, как кто-то привык или хочет?

Если отбросить всю навязанную риторику, картина становится до смешного простой. Люди всего лишь пользовались тем, что в нормальном обществе считается естественным и неотъемлемым правом. Так же естественно, как есть, пить, дышать, думать, учиться, взрослеть, развиваться. Право верить — это не привилегия. Это не бонус. Это не подарок государства. Это базовая свобода человека.

И вот именно здесь начинается проступать настоящий абсурд происходящего.

Потому что перед нами не история о реальной угрозе. Перед нами история о том, как мирных людей сначала объявляют опасными, а потом начинают обращаться с ними так, будто опасность уже доказана.

Но тогда возникает следующий вопрос. И он намного страшнее.

Почему сотрудники правоохранительных органов, которые обязаны защищать людей, соблюдать закон и охранять права каждого, вдруг начинают смотреть на невинных граждан с ненавистью?

Почему те, кто по своей функции должны быть барьером между человеком и произволом, сами становятся частью этого произвола?

Почему в кабинетах, где должна работать норма права, начинает звучать язык угроз, унижения и расчеловечивания?

Ответ не возникает в одну минуту.

Никто не просыпается утром с готовой ненавистью к тем, кто ему ничего не сделал. Эту ненависть сначала выращивают. Её вносят в сознание постепенно. Через лекции. Через интервью. Через книги. Через бесконечное повторение одних и тех же слов: «секта», «опасность», «угроза», «контроль сознания», «разрушение личности».

Сначала человеку подменяют восприятие. И только потом он начинает действовать так, будто перед ним уже не живой человек, а нечто вредное, чужое и подлежащее устранению.

И это не догадка. Не преувеличение. Такие вещи проговариваются самими участниками антикультовой среды в открытую.

Вот, например, слова Александра Новопашина — вице-президента РАЦИРС. И здесь особенно важно не пересказывать, а услышать его слова целиком:

«... с нового указа президента ситуация меняется. Мы ни в коем случае не отказываемся от миссии присутствия, которая очень хорошо зарекомендовала в миссионерской работе, но теперь в рамках новой стратегии, мы будем действовать более открыто, не опасаясь притеснений со стороны, которые, нужно признать, происходят. Во властных структурах есть люди, у которых наша деятельность вызывает раздражение и неприятие. Теперь такое отношение к нам, нашей деятельности будет воспринято как сопротивление указу президента.

Я много лет сотрудничаю с силовыми и военными ведомствами, читаю лекции личному составу о сути современного сектантства, знания о котором в обществе весьма слабое. И это несмотря на то, что антисектантской деятельности церковь уделяет самое серьезное внимание. Сам 30 лет занимаюсь этой проблемой. Вот на своих выступлениях много приходится рассказывать курсантам, силовикам, военным служащим. Новый указ президента я вообще называю настоящим подарком нам, православным миссионерам. В разделе «Ожидаемые результаты реализации настоящей стратегии» говорится о том, что настоящая стратегия должна способствовать стабилизации общественно-политической ситуации в стране, духовного и гражданского единства народа Российской Федерации, в том числе за счет деятельности Русской Православной Церкви, за счет широкой православной миссии, которая просвещает и образовывает все народы» [26].

Здесь не нужно ничего додумывать. Достаточно просто вчитаться.

Человек прямо говорит, что много лет работает с правоохранительными и военными структурами. Что он читает им лекции. Что объясняет им, как понимать так называемое «сектанство».

Что новый президентский указ он воспринимает как «подарок». И что теперь действовать можно «более открыто».

Вот после этого уже не кажется загадкой, откуда у некоторых сотрудников силовых органов появляется не просто подозрительность, а идеологически окрашенное отношение к тем, кого им заранее описали как врага. **Если вам годами рассказывают, что перед вами не просто верующие, а скрытая угроза обществу, семье, государству и даже национальной безопасности, то в какой-то момент вы перестаёте видеть в них обычных людей.**

Вспоминаются слова, одного из ближайших соратников Гитлера, известного своим ораторским мастерством и пропагандистскими навыками, а также яростным антисемитизмом, который выступал за истребление евреев во время Холокоста:

«...рядовые обычно гораздо примитивнее, чем мы себе представляем. Поэтому пропаганда всегда должна быть по сути простой и повторяющейся» [27].

Пропаганда иногда говорит спокойным, уверенным, «экспертным» голосом. Она может сидеть в пиджаке или в рясе. Может выступать с кафедры. Может ссылаться на общественное благо. Но суть от этого не меняется: человеку подсовывают готовую картину мира, где одни объявлены «своими», а другие — нежелательными.

Очень показательно, как Александр Дворкин формулирует своё отношение к Свидетелям Иеговы. Он говорит:

«Свидетели Иеговы пришли в православную страну. Они оскорбляют меня и мою веру. И в этом смысле я имею право ответить им. И моя книга — это ответ на их настойчивое приставание, на их настойчивую вербовку» [28].

На первый взгляд это можно подать как защиту. Как реакцию человека, которому якобы навязывают нечто чужое. Но, если вслушаться внимательно, в этих словах скрыта очень опасная подмена.

Во-первых, с какого момента страна становится «православной» в том смысле, что представители иной веры уже самым фактом своего существования выглядят как нарушители чужой территории?

Во-вторых, почему чье-то право исповедовать свою религию вдруг превращается в «оскорбление» для другого?

И в-третьих, кто вообще дал одному человеку право представлять себя голосом всей страны и всей веры сразу?

Это ведь не разговор о защите закона. Это разговор о праве вытеснять других под видом защиты «своего». Это не язык демократии. Это язык символического владения территорией, сознанием и допустимой нормой.

Особенно важно, что подобные фигуры не просто бросаются эмоциональными оценками. Они прекрасно понимают, где заканчивается публицистика и начинается юридическая проверка. И здесь Дворкин говорит вещь, которая очень многое объясняет:

«Когда 22 года назад я начинал заниматься сектами, я говорил, что всё там караул, нужно срочно вводить юридический термин «секта», чтобы как-то это дело решать.

Но вскоре я понял, что делать это сейчас, в нынешней ситуации категорически нельзя, потому что если мы завтра введём юридический термин «секта», то послезавтра суды будут завалены исками от этих самых сект, которые скажут: а вот теперь вы докажите, что мы секта, и предъявите все там доказательства, вот такое определение, докажите, что мы этому определению соответствуем.

И большая часть этих исков окажется проиграна.

И тогда мы всевозможные эти организации, самые злоеющие и самые неприятные, сектами называть уже по судебному решению не сможем» [29].

Это чрезвычайно важное признание.

Потому что оно показывает: проблема не в том, что не хватает закона. Проблема в том, что при появлении точного юридического определения пришлось бы доказывать свои обвинения. Не эмоционально. Не на телевидении. Не в газетной колонке. А в правовом поле. С аргументами. С фактами. С критериями.

И, по его собственным словам, значительная часть таких исков была бы проиграна.

То есть мы видим очень простую вещь. Размытый ярлык удобен именно потому, что он не требует доказательств. Он позволяет клеить на людей клеймо, не

проходя через строгую юридическую проверку. Пока слово остаётся туманным и ругательным, оно работает как оружие. Но как только оно попадает в правовую плоскость, выясняется, что с доказательной базой всё совсем не так уверенно.

Особого внимания заслуживает ещё одна манипуляция, которую Александр Дворкин повторяет постоянно. На первый взгляд она звучит почти безобидно: **«Я не борюсь с сектантами, я борюсь с сектами»**.

Эта фраза производит впечатление аккуратной и якобы гуманной границы. Мол, речь идёт не о людях, а всего лишь о неких вредных структурах. Не о живых судьбах, не о конкретных мужчинах и женщинах, не о семьях, не о детях, а о чём-то абстрактном. Но именно в этом и заключается подмена.

Потому что никакой «секты» вне людей не существует. Любая организация — это люди. Их убеждения, их общение, их совместная жизнь, их собрания, их тексты, их выбор. Нельзя объявить враждебной саму общность, а потом делать вид, будто это не касается тех, кто в неё входит. Это искусственное разделение нужно лишь для одного: чтобы сохранить видимость приличия в речи и одновременно продолжать наносить удар по тем, кто является мишенью.

И Дворкин сам разрушает эту якобы «границу» собственными же высказываниями.

Ниже представлен фрагмент одной из передач с его участием.

Ведущая: ... и одно из ваших высказываний. Православные не лучше всех. Если бы они были лучше всех, весь мир давно бы стал православным. Может быть, мы даже хуже всех. А вот православие точно единственный прямой путь к Богу. Что дает вам право так заявлять? А я считаю, что это заявление. Раз. Во-вторых, разве это не разжигание, во всяком случае, в той или иной степени межрелигиозной вражды или нетерпимости?

Дворкин: Ой нет, ни в коей мере. Потому что, во-первых, любая религия считает себя истинной, а все остальные заблуждающиеся. В любой религии, можно так сказать. Разжигание межрелигиозной розни — это если я оскорбляю конкретных носителей конкретной религии или той или иной религиозной идеи. Принцип православного отношения с другими религиями — это уважение к каждому человеку» [30].

Формально — всё выглядит красиво. Он как будто заранее снимает с себя обвинение. Но стоит только посмотреть на то, как Дворкин реально говорит о людях и религиях, и эта конструкция рассыпается.

Вот, например, его слова об индуизме: *«Очень низкого аскетизма — это только достичь вечной смерти, достичь вечного небытия. И в этом, конечно, демоническая природа индуизма»* [31].

Это уже не нейтральное описание. Не академический анализ. Здесь чужая религия подаётся как нечто демоническое по своей природе. Читателю или слушателю не оставляют пространства для спокойного восприятия: ему с самого начала задают эмоциональную рамку. И рамка эта не просто отрицательная, а предельно отталкивающая.

Вот слова Дворкина об исламе и Мухаммеде: *«Мухаммед, хотя принадлежал к этому могучему племени, он принадлежал к его бедной ветви, поэтому он был достаточно бедным человеком. Устроился на работу к своей дальней родственнице, дважды вдовы Хадидже, стал водить ее караваны, завоевал ее доверие. Когда ему было 25 лет, Хадиджа, которой тогда уже было за 40, вышла замуж третий раз за своего смазливового приказчика»* [32].

И ещё: *«Были у Магомета какие-то странные видения, откровения. Некоторые считают, что это у него были припадки, эпилепсия»* [33].

Обратите внимание, как это устроено. Сначала идёт внешне бытовой, почти насмешливый пересказ. Затем — намёк на психическую или неврологическую неполноценность религиозного опыта. Это уже не спор о богословии. Это принижение через интонацию, через подбор деталей, через насмешливую подачу. Слушателя подводят не к размышлению, а к нужному эмоциональному отношению.

То же самое происходит и с представителями конкретных религиозных групп. Дворкин говорит: *«Когда видишь на улице, как двое женщин обрабатывают маму с коляской, можно подойти и сказать, что вы не слушаете, это сектанты-свидетели Иеговы, они грубо извращают священное писание»* [34].

Это очень показательный фрагмент. Здесь уже нет никакой дистанции между «сектой» и «сектантами». Здесь есть конкретные женщины на улице. Их действие заранее названо «промыванием мозгов». Их религиозная идентичность заранее

переведена в ярлык. И слушателю прямо предлагается модель поведения: подойти, вмешаться, обозначить этих людей как опасных и вредных. То есть речь уже идёт не просто о характеристике, а о социальном сценарии. Человеку фактически дают готовую форму реакции на «неправильных» людей.

Точно так же он выстраивает отношение к саентологам. Вот его слова: *«Том Круз, он Геббельс саентологии, министр пропаганды»* [35].

И ещё: *«Сам Торгов — очень такой серый и темный человек. Он говорит очень скучно, он очень какой-то вот такой занудный, серый человек...»* [36].

И ещё: *«Кого мы знаем? Каких мы знаем сектантов? Уличных попрошайек? Вербовщиков надоедливых, которые стучатся в наши двери?»* [37].

И ещё, уже в обобщающей форме:

«Секты опасны на уровне общества, потому что в отличие от традиционных конфессий, которые обогащают общество, создают культуру, секты ничего обществу не дают. Мы не знаем писателей, художников, композиторов, мыслителей и так далее. Они только тянут из общества соки, примерно, как раковая опухоль тянет соки из организма, покуда, собственно, не уничтожает его» [38].

А следом:

«Саентология — это одна из наиболее опасных тоталитарных сект. И по степени деструктивности саентология превосходит очень многие секты. Я видел многих бывших саентологов, которые просто совершенно были тяжело психически больны. Повторяю, секта очень агрессивна, очень лжива» [39].

И ещё: *«Психология раба и психология доносителя. Он работает на спецслужбы. С самого детства он собирает информацию. То есть он приносит деньги, он приносит информацию, и вы в саентологии, когда, наконец, у вас всё кончится, когда кончатся деньги и кончится психическое здоровье, от вас избавятся. Или физическое здоровье — от вас избавятся, выкинут на улицу, про вас забудут»* [40].

Если собрать всё это вместе, становится видно главное: перед нами не редкие эмоциональные срывы и не отдельные резкие выражения. Это устойчивая манера речи. В ней чужая религия может быть «демонической», её основатель — человеком со «странными видениями» и возможными припадками, её

последователи — навязчивыми, унылыми, опасными, лживыми, психически сломанными, а сама общность — чем-то, что ничего не создаёт, а только паразитирует и истощает общество.

После этого фраза **«Я не борюсь с сектантами, я борюсь с сектами»**, звучит уже не как проявление гуманности, а как словесная ширма. Потому что на деле Дворкин постоянно говорит именно о людях — об их внешности, уме, психике, мотивах, ценности их жизни и месте в обществе. Он не просто спорит с идеями. Он формирует у аудитории эмоциональное отвращение к тем, кто объявлен чужим.

Особенно показательно, что круг мишеней у него давно вышел далеко за пределы одной группы. Свидетели Иеговы — лишь один из примеров, пусть и один из самых трагических по последствиям. Но стиль тот же самый применяется и к саентологам, и к индуистам, и к мусульманам, и к популярным публичным фигурам, если они связаны с «неправильной» средой. Даже в тех случаях, где можно было бы ожидать хотя бы минимальной научной сдержанности, в ход идут грубые обобщения, патологизирующие намёки, клички, насмешки и оскорбительные сравнения.

Именно поэтому было бы ошибкой воспринимать историю со Свидетелями Иеговы как исключение. Нет, это не исключение. Это одна из наиболее ярко проявившихся реализаций одного и того же подхода. Сначала человека или группу выносят за пределы нормального разговора. Потом их описывают как источник вреда. Потом в общественное сознание внедряется мысль, что к ним допустимо относиться иначе, чем к «обычным» людям. И всё это делается с выражением спокойной экспертности, с интонацией человека, который будто бы лишь предупреждает общество об опасности.

Но стоит вслушаться внимательнее, и становится ясно: речь идёт не о защите общества от преступлений. Речь идёт о систематическом производстве образа врага.

Если на этом остановиться, может возникнуть ощущение, что перед нами всего лишь один человек с резкими взглядами и специфической манерой речи. Но картина меняется, когда смотришь шире. Потому что Александр Дворкин — это не одиночная фигура. Он встроен в систему. И эта система выходит далеко за пределы одной страны.

Существует организация под названием FECRIS — Европейская федерация центров исследований и информации о сектантстве.

Штаб-квартира — Париж.

Организация объединяет десятки антикультовых центров из разных стран Европы.

И при этом:

- имеет статус участника Совета Европы;
- обладает консультативным статусом при Экономическом и социальном совете ООН;
- получает финансирование, значительная часть которого поступает из французского государственного бюджета.

На уровне названия и официальных формулировок всё выглядит предельно корректно:

- «исследование»,
- «информация»,
- «нейтральность»,
- «защита общества».

Но теперь давай посмотрим не на декларации, а на факты пересечений.

Александр Дворкин — президент РАЦИРС — занимал пост вице-президента FECRIS (2009-2021 год) и остаётся членом её руководящих структур.

Александр Новопашин — вице-президент РАЦИРС — является членом-корреспондентом FECRIS.

Это означает простую вещь. Речь идёт не о двух независимых организациях. Это пересекающиеся структуры с общими людьми.

Теперь следующий шаг.

Что именно они делают на практике?

Во Франции, например, антикультовая деятельность не ограничивается общественными выступлениями. Она институционализирована. Существует государственная структура MIVILUDES — межведомственная миссия по борьбе с «сектантскими отклонениями».

Её задача:

- выявлять «подозрительные» группы;
- анализировать их;
- предупреждать общество.

Но на практике деятельность этой структуры и связанных с ней организаций неоднократно вызывала критику. В том числе — за вмешательство в частную жизнь, за давление на семьи, за создание атмосферы подозрительности вокруг людей только из-за их убеждений. И это не мнение одного человека. Это предмет обсуждения на международном уровне.

Теперь посмотрим на США.

Мы уже упоминали о Стивене Хассане и Рике Россе. Но здесь важно не только, что они говорят. Важно — как они связаны с той же сетью.

Стивен Хассан:

- участвовал в конференциях, организованных FECRIS;
- приезжал с лекциями в Россию по приглашению антикультовых структур;
- выступал в среде, где регулярно работает Дворкин.

Это не случайные пересечения. Это устойчивые контакты.

Есть ещё один показатель, который трудно игнорировать. Александр Дворкин издал книгу «10 вопросов назойливому незнакомцу». И эта книга по содержанию полностью повторяет главу из книги Стивена Хассана.

Например [41, 42]:

Стивен Хассан	Александр Дворкин
Как уже указывалось в самом начале этой главы, вам ни в коем случае не следует давать свой номер телефона никому, кого вы подозреваете в членстве в секте.	Еще одно правило вы должны сделать для себя абсолютным: никогда не давайте вашего адреса или телефонного номера тому, кого вы подозреваете в членстве в секте.
Если вербовщик не дает прямого, ясного ответа, можете быть уверены,	Если вербовщик уклоняется от прямого, ясного и конкретного ответа,

что с группой и ее лидером не всё ладно.	можно быть уверенным – он хочет что-то от вас скрыть.
Вам важно с самого начала узнать, с кем имеете дело. Человек, вовлеченный в тоталитарную секту менее года назад, обычно еще весьма неопытен.	Важно с самого начала узнать, с кем имеете дело. Человек, вовлеченный в тоталитарную секту менее года назад, обычно еще весьма неопытен.
На прямой вопрос о вербовке очень часто следует ответ: «Нет, просто ты мне нравишься и я хочу поделиться с тобой этим. Что ты решишь сделать с этим знанием – зависит только от тебя».	Чаще всего вербовщик ответ на это: «Нет, просто вы мне понравились, и я захотел поделиться информацией о нашем учении (методе, организации). Дальше все будет зависеть от вас: захотите ли воспользоваться ею или нет»
Наоборот, возьмите его адрес и телефон и сами позвоните ему или навестите его, если захотите. Держите ситуацию под контролем!	Если у вас есть сомнения, но вы все же хотели бы получить больше информации, прежде чем сделать окончательные выводы, попросите его дать вам адрес и телефон, чтобы дальнейшие контакты происходили по вашей инициативе.
Верит ли она, что цель оправдывает средства? Допустим ли обман в каких-то обстоятельствах?	Верит ли она, что цель оправдывает средства? Бывают ли обстоятельства, когда человеку полезно, если его обманут?
Как вы относитесь к бывшим членам группы? Пытались ли вы когда-либо обсудить с ними, почему они вышли из группы?	Что вы думаете о бывших членах вашей организации? Приходилось ли вам когда-нибудь серьезно говорить с бывшим членом и узнавать от него причины, по которым он ушел из организации?

Какие три вещи вам не нравятся больше всего в вашей организации и ее лидере? Можете ли вы назвать мне другие организации, связанные с вашей группой?	Назовите три вещи, которые вам не нравятся в вашей организации и в ее верховном руководителе? Можете ли вы перечислить названия других организаций, связанных с вашей группой?
--	--

Это уже не просто «похожее мышление». Это заимствование и синхронизация. И здесь появляется ключевой момент.

Если в разных странах:

- одни и те же люди взаимодействуют;
- участвуют в одних и тех же мероприятиях;
- цитируют друг друга;
- используют одинаковые концепции, то перед нами уже не разрозненные мнения.

Это сеть.

Ещё один факт.

В 1990-х годах американские СМИ, включая *The New York Times*, начали публиковать комментарии Александра Дворкина. Причём не только о России, но и о религиозных движениях в других странах. Это выглядит необычно.

Не кажется ли вам странным, что мнение российского специалиста по «сектам» вдруг появляется на страницах такого влиятельного издания, как *The New York Times*?

Сам по себе этот факт вызывает вопросы. Попасть в подобные медиа непросто даже для признанных экспертов мирового уровня. Тем более это выглядит необычно, когда речь идёт о человеке, который не обладает известностью.

Как тогда объяснить появление его оценок в американской прессе?

Случайностью это назвать трудно. Подобные публикации, как правило, являются результатом целенаправленной работы. Это может быть связано с финансовым продвижением, с использованием медиаресурсов в чьих-то интересах

или с присутствием в информационной среде людей, способных продвигать нужную повестку.

Как бы ни объяснялся этот механизм, сам факт остаётся: чьи-то усилия были направлены на то, чтобы мнения российского антикультового деятеля оказались встроены в американское медиапространство.

И это уже указывает не на единичный эпизод, а на наличие организованного влияния, выходящего далеко за пределы одной страны.

Деятельность Александра Дворкина получила оценку не только внутри России, но и на международном уровне — в специальном докладе, подготовленном для Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF).

Важно понимать, о каком уровне идёт речь. USCIRF — это независимый двухпартийный федеральный орган США, созданный Конгрессом для мониторинга, анализа и освещения угроз свободе религии за рубежом; комиссия вырабатывает рекомендации для президента США, государственного секретаря и Конгресса.

То есть речь идёт о документе, который используется при выработке государственной политики.

В рамках этого доклада политический аналитик USCIRF Джейсон Мортон дал оценку антикультовому движению в работе под названием «Антикультовое движение и религиозное регулирование в России и бывшем Советском Союзе».

Именно здесь деятельность Дворкина и его окружения рассматривается уже не как набор отдельных высказываний или частная позиция, а как фактор, влияющий на общественное сознание, государственные решения и положение религиозных меньшинств:

«Дворкин долгое время предавал антикультовому движению видимость интеллектуальной достоверности».

«Александр Дворкин и его сподвижники заняли влиятельные позиции в правительстве и обществе, формируя общественный дискурс о религии во многих странах.

Претендуя на роль экспертов в таких научных областях, как религиоведение, психология и социология, они редко обладают необходимой

квалификацией и часто опираются на дискредитированные теории и методологии для продвижения своей идеологической повестки».

«По своей сути, антикультовое движение — это пропагандистский орган, ведущий высокоэффективную информационную войну против религиозных меньшинств в России и во многих странах, где оно сохраняет влияние».

И ещё несколько формулировок из того же анализа:

«Правительству США следует публично порицать Александра Дворкина и информационно-консультационный центр Святого Ириния Лионского (SILIC) за их продолжающуюся дезинформационную кампанию против религиозных меньшинств».

«Противодействовать пропаганде против новых религиозных движений, которую проводит Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектанстве (FECRIS) на ежегодной конференции ОБСЕ по человеческому измерению, где она предоставляет информацию о текущем участии отдельных лиц и организаций в рамках антикультового движения, направленного на подавление религиозной свободы» [43].

Теперь давай соберём всё вместе.

Есть:

- РАЦИРС в России
- FECRIS в Европе
- Хассан и Росс в США

Есть пересечения:

- общие мероприятия;
- взаимные приглашения;
- заимствование текстов и идей;
- совпадающая риторика.

Есть последствия:

- формирование негативного образа
- давление на группы
- судебные процессы

— ограничения

И есть ключевой элемент, который проходит через всё это: один и тот же способ говорить о людях. Не через диалог. Не через анализ. А через ярлык. Сначала — «секта». Потом — «опасность». Потом — всё остальное становится допустимым.

И вот здесь возникает самый важный момент. Если вы видите, что:

- одни и те же формулировки повторяются в разных странах;
- одни и те же люди взаимодействуют между собой;
- одни и те же последствия возникают снова и снова, то это уже не набор случайных мнений. Это воспроизводимая система. И именно это делает её по-настоящему опасной. Не громкие слова. Не отдельные выступления. А способность воспроизводить один и тот же результат: в разных странах, с разными людьми, но по одной и той же логике.

И здесь заканчиваются интерпретации. Потому что дальше остаётся только сопоставление. Есть деятельность, в рамках которой годами формируется враждебное отношение к конкретным группам людей. Это делается последовательно, публично и с опорой на статус «экспертизы». Есть результат этой деятельности. Не в виде мнений. Не в виде споров. А в виде реальных действий: людей бьют, им угрожают, на них нападают, их дома поджигают.

И это не единичные случаи, а повторяющаяся практика.

Теперь ключевой момент. Эти действия не возникают сами по себе. Им предшествует подготовка. Людям заранее объясняют, кого считать угрозой. Им задают нужное отношение. Им формируют восприятие, в котором перед ними уже не просто человек, а источник опасности. После этого дальнейшее происходит без прямых указаний. Человек действует сам — но в рамках уже заданной модели. Именно поэтому здесь трудно говорить о случайности. Мы видим управляемый процесс, в котором:

- сначала создаётся образ врага;
- затем закрепляется эмоциональная реакция;
- а затем эта реакция реализуется в действиях.

Отдельного внимания требует способ, которым это достигается. Речь идёт не о нейтральной информации, а о целенаправленном использовании приёмов, которые обходят критическое мышление:

- повторение одних и тех же формулировок;
- сильные негативные сравнения;
- эмоциональное давление;
- создание устойчивых ассоциаций.

Это не объяснение. Это настройка восприятия. И именно в этом месте происходит то, что делает всю ситуацию принципиально иной. Люди, которые совершают акты агрессии, не выбирают цель сами. Они действуют в рамках уже сформированного для них списка «опасных». Этот выбор был сделан до них. Во многих случаях цель для общественного подозрения задаётся заранее через публичную риторику и повторяющиеся ярлыки.

Если теперь соотнести всё это с международно-правовыми определениями, картина становится однозначной.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 июня 2023 года прямо указывает: **терроризм — это не только прямое применение насилия, но и деятельность, направленная на запугивание населения, создание атмосферы страха и провоцирование действий, угрожающих безопасности людей.**

В рассматриваемом случае присутствуют все эти элементы. Есть запугивание через риторику. Есть формирование устойчивой враждебности. Есть последствия в виде насилия и угроз.

При этом дополнительным, отягчающим обстоятельством является то, что воздействие осуществляется не напрямую, а через скрытые механизмы влияния. Человеку не приказывают. Его подводят к нужной реакции. И когда эта реакция закрепляется, он начинает действовать, считая это собственным решением. Именно поэтому мы имеем дело не просто с распространением взглядов. А с деятельностью, которая:

- направленно формирует поведение;
- вызывает волну агрессии;
- приводит к реальным актам насилия в отношении выбранных целей.

В правовой плоскости у этого есть точное определение. И, исходя из совокупности признаков, **речь идёт о деятельности, подпадающей под квалификацию терроризма.**

Дальше остаётся только одно. Показать это на доказательствах. Именно к этому мы и переходим.

Глава 6. Эстафета, которую никто не должен был получить

Если смотреть на нацистскую Германию издалека, память почти всегда выхватывает финал. Лагеря. Печи. Миллионы убитых. Но именно такая оптика иногда мешает понять главное. Зло не входит в общество сразу в своей последней форме. Оно входит постепенно. Вначале не как кровь. Вначале как лексика. Как привычка говорить о человеке не как о человеке, а как о проблеме. Как о вреде. Как о заражении. Как о явлении, которое надо не понять, а обезвредить. И если в этот момент общество не останавливается, всё остальное становится вопросом времени.

В Германии это происходило именно так. Не в одну ночь. Не одним указом. Людей приучали к новому языку шаг за шагом. Еврея переставали описывать как соседа, врача, учителя, музыканта, торговца, мать, ребёнка. В газетах и брошюрах он становился «мировым еврейством», «чужеродным телом», «разлагающим элементом».

В популярной нацистской газете *Der Stürmer* регулярно публиковались материалы, в которых евреи описывались как: «паразиты», «кровососы», «разносчики болезней». Эти слова не были случайными. Они повторялись.

На карикатурах, которые печатались в той же газете, евреи изображались с подчеркнуто искажёнными чертами лица:

- вытянутый крючковатый нос;
- маленькие прищуренные глаза;
- толстые губы;
- сгорбленная фигура [44].

Иногда их рисовали рядом с крысами. Иногда — в виде крыс. Подписи под такими изображениями объясняли, что перед читателем «вредный элемент»,

который «живет за счет народа». Это не метафора. Это прямая подмена образа человека.

Откройте детскую книгу того времени «Der Giftpilz» — «Ядовитый гриб». В ней детям объясняли, как «распознать еврея». Один из фрагментов: ребёнку показывают лес, среди обычных грибов — один «ядовитый» и дальше идёт объяснение, что так же, как среди грибов есть опасные, среди людей есть «евреи», которых нужно уметь отличать.

Ребёнка учат не анализировать поступки. Не разбираться в фактах. Ему дают готовую схему: внешний вид → принадлежность → опасность.

Теперь важно увидеть ещё один слой. Это не только журналисты и карикатуристы. Это люди, которые называли себя учёными, богословами, экспертами.

В церковных текстах звучали слова о «ядре отравления народов», о «дегенеративном мировом еврействе», об «асфальтовом еврействе». Именно такие выражения историки фиксируют и у самого Вальтера Кюннета.

Протестантская учительница и антинацистка Элизабет Шмитц, прочитав его книгу 1935 года, писала ему с возмущением, что он говорит о современном немецком еврействе популярными штампами о «дегенеративном мировом еврействе» и даже называет его «носителем зародыша отравления народов». Это не мой пересказ. Это зафиксированный упрёк человеку, которого после войны будут вспоминать как «уважаемого теолога».

Это и есть тот момент, который важно не проскочить. **Убийство всегда начинается раньше убийства. Оно начинается там, где человека отрывают от его лица и имени и заменяют словесной конструкцией.** Когда вместо «семья Шварц с соседней улицы» появляется «чуждый элемент». Вместо «ваш коллега» появляется «разрушитель народа». Вместо «верующий человек» появляется «секта», «зараза», «отклонение». После этого массовому сознанию уже не нужно знакомиться с конкретным человеком. Ему уже выдали готовый образ.

Уже в 1933 году в Германии появляются вывески вроде «Евреи здесь нежелательны», а 1 апреля 1933 года режим проводит общегерманский бойкот еврейских магазинов и специалистов. Это была не просто частная реакция снизу, а

быстрое соединение общественного антисемитизма с государственной кампанией исключения.

На этом фоне особенно важно понять роль **Вальтера Кюннета** и его место в этой истории. Он не был главным лицом режима и не стоял на трибуне рядом с Гитлером на плакатах. Но именно такие люди часто и делают самую опасную работу. Не шумную. Не кинематографичную. Работу по изготовлению идей, формулировок, обоснований, которые потом начинают жить в газетах, в церковных речах, в инструкциях, в кабинетах чиновников и полицейских.

Кюннет был протестантским теологом, руководителем Апологетического центра в Берлине. Этот центр занимался борьбой с «сектами», религиозными меньшинствами и мировоззренческими противниками.

В декабре 1933 года он сообщал церковному руководству, что обмен материалами между тайной государственной полицией и Апологетическим центром уже начался, а также что налаживается рабочая связь с министерством пропаганды. Это одна из самых страшных деталей во всей этой истории. Потому что здесь уже нет места иллюзии, будто церковный антикультизм существовал где-то отдельно, а нацистская государственная машина отдельно. Они входили в контакт, передавали друг другу материалы и язык, с помощью которого отбирали у людей право быть людьми.

Нужно очень ясно увидеть, что значило тогда слово «секта». Сегодня многим кажется, что это просто грубое слово. Неприятное, но бытовое. В Германии 1930-х годов это было не бытовое слово, а **часть механизма исключения**.

В сентябре 1933 года после запрета Свидетелей Иеговы церковное заявление приветствовало этот шаг и называло их присутствие «явлением вырождения веры», добавляя, что полной «очистки от сект» ещё не достигнуто. Слово «очистка» здесь страшнее любого крика. Потому что в нём уже слышен не спор о вере, а санитарная обработка общества. Не разговор с людьми, а зачистка пространства от нежелательных. А когда общество начинает думать в терминах «очистки», дальше уже остаётся только вопрос, кого именно признают грязью.

Именно поэтому нельзя считать Кюннета как просто консервативного богослова своей эпохи. Перед нами человек, который участвовал в производстве того самого языка, через который и церковная, и государственная власть учились

видеть в группах людей не личности, а категории риска. Да, историческая картина здесь сложнее, чем чёрно-белая легенда.

Кюннет был связан и с Исповедующей церковью, спорил с Альфредом Розенбергом и критиковал некоторые аспекты нацистской идеологии. Но это не отменяет другого факта: он одновременно использовал антисемитские конструкции, одобрял в основе своей государственную дискриминацию евреев и входил в практическое взаимодействие с гестапо по вопросу религиозных меньшинств. Исторически это и есть одна из самых жутких форм соучастия. Не обязательно самому строить лагерь. Достаточно помочь обществу привыкнуть к мысли, что определённые люди — это не совсем люди, а опасное отклонение.

Нюрнбергский процесс после войны стал для мира символом суда над нацизмом. Но Нюрнберг судил далеко не всех, кто обслуживал нацистскую машину. На скамье оказались главные политические и военные фигуры, а огромное число идеологов, церковных функционеров, производителей смыслов, авторов обоснований и помощников системы прошли мимо этого суда. Кюннет оказался именно среди тех, кто пережил крах рейха и сумел встроиться в послевоенную жизнь.

Уже в 1946 году он становится почётным профессором теологии в Эрлангене, затем получает полноценную кафедру. Позже он получает Баварский орден «За заслуги» (1962), Большой крест «За заслуги перед ФРГ» (1966) и Баварский орден Максимилиана за науку и искусство (1981). Он умер в 1997 году. Не на скамье подсудимых. Не в безвестности. Не в положении человека, на котором общество поставило клеймо соучастника режима. Он умер уважаемым профессором, человеком с наградами, с учениками, с именем, которое потом даже использовали для названия премии. И в этом, возможно, один из самых леденящих фактов всей истории. Не всякий, кто помогал нацизму, закончил в Нюрнберге. Некоторые спокойно пережили систему и передали её приёмы дальше.

Зло не всегда умирает вместе с диктатурой. Иногда оно снимает мундир, надевает профессорскую мантию, садится за кафедру и **начинает говорить другим, что делает это ради защиты общества**. Снаружи уже нет свастики. Уже нет грохота парадов. Уже нет того самого театра Третьего рейха. Но внутренний механизм остаётся узнаваемым. Определить группу. Навесить на неё образ опасности. Объявить её разрушительной. Сформировать архивы, досье, категории,

экспертные формулы. Наладить контакт с властями. Передать им «материал». Дальше машина начнёт работать сама.

После войны именно эта линия не обрывается, а переходит к следующему звену. В 1964 году в Баварской евангелическо лютеранской церкви комиссаром по вопросам сект и мировоззрения становится **Фридрих Вильгельм Хаак**. Исследователи антикультового движения прямо связывают его с продолжением работы, которую до него вёл Кюннет. Более того, Хаак учился в той же богословской среде, где Кюннет уже был влиятельной фигурой. В начале 1970-х он возрождает само наименование рабочей группы по религиозным и мировоззренческим вопросам, восходящее к нацистскому периоду. Это важная деталь. Передаётся не только общий настрой. Передаётся институциональная память, сама модель церковного наблюдения за «опасными» группами.

Хаак становится одним из крупнейших европейских идеологов антикультизма. А затем эта линия идёт дальше, уже через датского теолога **Йоханнеса Огорда**. Именно его называют одним из отцов современного международного антикультового движения. В 1973 году Огорд создаёт Dialog Center International при помощи Хаака, а позднее эта структура и её идеология выходят далеко за пределы Германии и Дании.

К этому центру подключаются международные церковные и антикультовые сети. Появляются филиалы в разных странах, включая Россию. Так формируется уже не локальная немецкая история, а длинная транснациональная цепь. Кюннет. Хаак. Огорд. Дальше ученик Огорда **Александр Дворкин**.

Он сам обозначает эту линию преемственности. Уже на первых страницах своей книги Дворкин называет их имена:

«Благодарю моих учителей, коллег и друзей проф. Йоханнеса Огорда и пастора Томаса Гандоу – двух виднейших представителей и пионеров западного христианского сектоведения. Их опыт, помощь и поддержка были бесценны для меня» [45].

И вот здесь история делает особенно тяжёлый круг. Потому что в России перед нами снова возникает почти тот же набор слов. «Секта». «Тоталитарная секта». «Деструктивный культ». «Разрушение личности». «Угроза обществу». «Защита людей». Это тот самый язык, который всегда старается выглядеть не языком ненависти, а языком санитарной обработки. Не «мы ненавидим». Нет. «Мы

предупреждаем». «Мы защищаем». «Мы проводим экспертизу». «Мы боремся не с людьми, а с опасным явлением».

Но исторический опыт как раз и показывает, что **именно так и запускается расчеловечивание**. Никто не начинает с открытой фразы «этих людей надо уничтожить». Сначала говорят иначе. «Они опасны». «Они действуют скрытно». «Они разлагают общество». «Они вербуют». «Они заражают». После этого общество само начинает считать враждебность чем-то оправданным.

В Германии 1930-х годов последствия этого языка проявлялись не только против евреев, но и против религиозных меньшинств. Свидетели Иеговы стали одной из первых религиозных групп, по которым государственная и церковная машина ударили особенно быстро. Гестапо создало специальный аппарат по борьбе с ними, внедряло агентов на библейские встречи, составляло реестры, отслеживало семьи, арестовывало за литературу, за отказ от присяги, за отказ от лозунга «Хайль Гитлер».

Музей Холокоста в США прямо пишет, что в 1936 и 1937 годах режим значительно усилил всегерманские меры преследования Свидетелей Иеговы, а специальное подразделение в штаб-квартире гестапо занималось именно борьбой с этой общиной. И здесь важно не упускать связь: именно в ту эпоху церковные антикультисты не просто наблюдали со стороны, а участвовали в создании моральной атмосферы, где подобное преследование выглядело допустимым.

Очень показательны и то, как сама церковь встраивалась в общую дисциплину режима. Весной 1934 года баварская евангелическо лютеранская церковь после распоряжения министерства дала учителям религии инструкцию приветствовать класс словами «Хайль Гитлер», с поднятой рукой, и в начале, и в конце урока.

Эта сцепка церкви, идеологии и дисциплины показывает, как глубоко режим входил в повседневную жизнь и как охотно многие церковные структуры соглашались играть по его правилам. На таком фоне фигура Кюннета выглядит ещё мрачнее. Он не был случайным свидетелем эпохи. Он был человеком системы церковного аппарата, который увидел в государственном терроре союзника в борьбе с теми, кого считал вредными.

А теперь нужно сделать ещё один шаг и показать, почему всё это не просто экскурсия в прошлое.

Проходят десятилетия. Уходят поколения. Но язык, однажды введенный в обращение, никуда не исчезает. Он продолжает звучать — уже в других городах и в другое время.

Из фонограммы выступления одного из ближайших соратников Дворкина, протоирея Дмитрия Смирного (Москва, 2001 год):

*«Я назвал это «фамилии и адреса». **Двум человекам в любом городе вполне под силу узнать адреса, фамилии, имена, отчества, домашние адреса руководителей всех существующих сект.** Ну, можно создать плакаты, и на ксероксе размножить, не хуже, чем наши братья по разуму Саентологи, и заклеить все государственные учреждения этими плакатами. И можно их отфотографировать при выходе из дома. Чтобы каждый житель города знал их в лицо, знал фамилию, имя, отчество, домашний адрес и телефон. И можно еще факс и E-mail. И пусть дальше продолжают жить.*

А вторым этапом можно сказать, что это за **секта**. Очень кратко, телеграфным способом. И я думаю, для многих будет достаточно, чтобы отсюда уехать. По крайней мере, **не один кирпич полетит в эту форточку**. Я не подстрекатель.

*...**Биографии всех руководителей сект с изображением их физиономии.** Например, как это помягче выразиться, — Обрыдло Свамибратхупады, оно само за себя говорит. Что это за человек, коль у него такая рожка.*

*... Регулярно на правах рекламы можно в самых дешевых газетах, можно на телевидении, собирая денежку понемножку с прихожан, печатать, либо бегущей строкой, либо на правах рекламы, **список тоталитарных сект с указанием руководителей и их адресов, чтобы народ их знал...** Не надо называть тоталитарная секта, а просто придумать еще... **деструктивный культ.***

... Необходимо на каждом приходе создавать молодежную организацию.

... Я руковожу девятью приходами.

*... Поэтому создание вот таких организаций, где будет спорт, где будет некоторая интрига, где можно будет этих ребят, **как разведчиков, посылать в секты,** чтобы узнавать адреса, фамилии, фотографии, чтобы там они создавали внутри этой структуры, и можно их, эти секты, взрывать*

изнутри. Взрывать, я имею, конечно, в фигуральном смысле, упаси Бог, чтобы там были человеческие жертвы! Понимаете? И это будет для ребят очень интересное практическое занятие. **И это будет профилактика.**

... Мы привыкли, что Россия большая, Россия сильная, Россия великая, что у нас полно ядерных кнопок, что вообще мир можем уничтожить, это да, в принципе, это возможно. Но у нас теперь нет таких людей, у которых хватит мужества, чтобы нажать эти кнопки. Народ измельчал духовно. Нет таких людей, которые решатся на это. Решатся, что да, мы можем диктовать, мы можем заказывать музыку.

... Скоро выборы в Нижнем Новгороде. Нужно, чтобы каждый депутат понял... **если в программе не будет слов «борьба с тоталитарными сектами», он не пройдет...** Мы их наняли, понимаете. Они служащие наши» [46].

История учит, что она ничему нас не учит, когда общество помнит лишь финал и забывает вступление. Все знают слово «Холокост».

Гораздо меньше людей умеют распознать первый шаг к нему. А первый шаг вовсе не выглядит как крематорий. Он выглядит как экспертная статья. Как церковная справка. Как лекция о «духовной безопасности». Как архив на «опасные группы». Как выражение «нужно очистить общество». Как уверенный голос человека в очках и с учёным титулом, который объясняет, что перед нами уже не просто люди, а разрушительная сила. И если общество этому аплодирует, дальше ему остаётся только привыкать к новым ступеням жестокости.

Кюннет прожил до 1997 года. Это почти мост из 1933 года в современность. Не абстрактный мост. Живой. Биографический. Человек, формировавший язык борьбы с «нежелательными», успел не только пережить крах Третьего рейха, но и передать свою логику следующему поколению. Вот почему в этой главе важно задержаться именно на нём. В нём видно не только прошлое. В нём видно, как нацизм может пережить сам себя. Не обязательно в форме партийного знамени. Иногда в форме экспертного словаря.

И когда сегодня другой человек, уже в другой стране, говорит о «тоталитарных сектах», «разрушении личности» и «социальной угрозе», перед нами не новая идея. Перед нами старый механизм в новой упаковке. В XX веке этот механизм уже

привёл Европу к катастрофе и к более 100 миллионам уничтоженных человеческих жизней. Сначала он учил немцев бояться собственных соседей. Потом лишал этих соседей прав. Потом позволял смотреть на их страдания как на нечто допустимое. А затем та же страна, научившаяся жить с внутренним расчеловечиванием, принесла войну всему континенту. И потому вопрос здесь не в прошлом. Вопрос в том, сумеем ли мы сегодня распознать знакомый язык раньше, чем он снова станет реальностью.

Глава 7. Эффект Колумбайна

История не всегда заканчивается там, где заканчиваются даты в учебнике. То, что происходило в прошлом, может менять форму, но не обязательно исчезает. Иногда оно просто становится менее заметным. И если сейчас связь между тем, что мы уже разобрали, и тем, о чём пойдёт речь дальше, кажется неочевидной — это нормально. Давайте не будем спешить с выводами. Сначала посмотрим, что происходит сегодня.

Массовые расстрелы в учебных заведениях стали частью современной реальности. Когда-то первое подобное преступление потрясло общество именно своей невозможностью: люди не могли уложить в голове, как ребёнок вообще способен прийти в школу и превратить её в место бойни.

Но прошло совсем немного времени — и то, что казалось невозможным, стало повторяться снова и снова. Самое страшное в этих преступлениях не только в числе жертв. Самое страшное — это сама формула происходящего: **дети убивают детей**.

Именно здесь возникает главный вопрос. Что произошло с обществом? Почему именно **за последние тридцать лет в развитых странах** возникло и закрепилось это явление? Почему раньше в школах тоже были конфликты, унижения, одиночество, обиды, психические срывы, доступ к оружию, тяжёлая семейная атмосфера, но самого феномена массовых школьных расстрелов в нынешнем виде не существовало? Почему он не просто появился, а начал нарастать именно с конца 1990-х годов, а затем с пугающей скоростью пошёл вверх в начале 2000-х?

На первый взгляд, ответ будто бы лежит на поверхности. Принято говорить о кризисе морали, распаде семьи, жестокости, буллинге, депрессии, социальной изоляции, внутренней агрессии подростка, который больше не справляется и в какой-то момент взрывается. Такая версия кажется понятной. Более того, в ней есть часть правды: действительно, многие специалисты указывают на длительное накопление тяжёлых обстоятельств — школьную травлю, напряжённые отношения, эмоциональное неблагополучие, семейную холодность, депрессивные состояния. Но когда исследователи попытались внимательно разобрать десятки случаев и сложить из них единую схему, они упёрлись в тупик. Универсального портрета школьного стрелка не существует. Нет единого типа лица, нет единой судьбы, нет общей биографии, по которой можно было бы заранее вычислить будущего убийцу.

И это принципиально важно. Специалисты, по сути, разводят руками. Стрелком не удаётся объявить какого-то одного «типичного» подростка. Это не обязательно замкнутый одиночка. Это не обязательно ребёнок из разрушенной семьи. Это не обязательно школьник с тяжёлой психиатрической историей. Среди нападавших были дети разных возрастов, разного характера, разного социального положения; многие имели друзей, участвовали во внешкольной жизни, росли в полных семьях и не демонстрировали выраженных академических провалов. Значит, если невозможно сложить единый психологический портрет, то искать объяснение только внутри личности преступника — недостаточно. Тогда вопрос надо ставить иначе: что именно действует на столь разных детей так, что один из них в какой-то момент переступает последнюю моральную черту?

Одним из ключевых узлов в ответе на этот вопрос становится Колумбайн. 20 апреля 1999 года два старшеклассника — Эрик Харрис и Дилан Клеболд — совершили нападение на школу Columbine High School в штате Колорадо.

Были убиты 13 человек, ещё 24 получили ранения; после нападения стрелки покончили с собой. Но, если смотреть на это преступление внимательно, оно оказывается не просто вспышкой подростковой ярости. По дневникам и записям видно, что они долго жили внутри образов более ранних катастроф: взрыва в Оклахома-Сити, войны во Вьетнаме, Второй мировой войны.

Причём их замысел был не ограничен стрельбой. Они планировали взрыв школы, который по масштабу должен был соперничать со взрывом в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 года — крупнейшим на тот момент терактом на территории

США до 11 сентября. В записях звучало стремление «затмить кровавую бойню» Оклахомы и оставить о себе след, который невозможно будет забыть. Их самодельные бомбы просто не сработали; если бы они сработали, число жертв могло бы быть значительно больше.

Здесь важны не только намерения, но и дата. Первоначально нападение было назначено на 19 апреля 1999 года. Это была шестая годовщина завершения осады в Уэйко и четвёртая годовщина взрыва в Оклахома-Сити. Лишь нехватка боеприпасов заставила перенести атаку на 20 апреля.

При этом в публикациях того времени отмечались и другие детали, которые в совокупности меняют восприятие произошедшего. Так, шестнадцатилетний Мэтт Гуд рассказывал газете *Denver Post*, что в последний год Харрис стал носить исключительно чёрную одежду, говорил по-немецки и был одержим всем, что связано с Германией и Второй мировой войной. Местный шериф также обращал внимание на совпадение даты: 20 апреля — день рождения Адольфа Гитлера [47].

Эта деталь разрушает удобную легенду о внезапном импульсе, о минутном эмоциональном срыве. Перед нами не хаос, а символически выстроенная цепь. Уэйко — затем Оклахома-Сити — затем Колумбайн. И каждая новая трагедия не просто следует за предыдущей по времени, а вбирает её в себя, перерабатывает и пытается превзойти по масштабу, по жертвам, по впечатлению, которое будет произведено на страну.

Чтобы понять эту цепь, надо вернуться к Уэйко. Осада ранчо Маунт-Кармел, где находились члены религиозной группы «Ветвь Давидова», продолжалась с 28 февраля по 19 апреля 1993 года и завершилась гибелью 86 человек. Для американского общества это стало травмой, которую страна переживала в прямом эфире. Через два года, 19 апреля 1995-го, произошёл взрыв в Оклахома-Сити: грузовик со взрывчаткой унёс 168 жизней, в том числе 19 детей младше шести лет, более 680 человек были ранены. Исполнитель объяснял свои действия местью федеральному правительству за произошедшее в Уэйко. А затем, ещё через четыре года, двое подростков в Колорадо пытаются построить собственный теракт поверх уже существующей кровавой памяти страны. Так трагедия, увиденная по телевизору, становится образцом → образец превращается в ориентир → ориентир становится соревнованием: сделать громче, страшнее, заметнее.

Именно здесь в полный рост встаёт вопрос о роли средств массовой информации. Не в том поверхностном смысле, что «новости просто рассказывают

о произошедшем», а в гораздо более глубоком. Массовая трагедия становится не только событием. Она получает вторую жизнь: в бесконечных повторах, в специальных репортажах, в документалистике, в книгах, в интервью, в разборе деталей, в культе подробностей. После Колумбайна эта машина развернулась на полную мощность. О нападении писали много, долго, подробно, не давая забыть; снимались фильмы, выходили книги, на первый план выносились не только жертвы и сам факт преступления, но и личности самих нападавших — вплоть до мелочей их повседневности. В результате событие получило всемирную известность, а фигуры убийц начали приобретать в массовом сознании странную, искажённую, но притягательную объёмность.

Так возник не просто информационный след Колумбайна, а его мифология. Вокруг стрелков стали формироваться группы поклонников, сообщества подражателей, целое направление, в котором слово «Колумбайн» перестало обозначать одну конкретную школу и превратилось в имя нарицательное, в знак определённого сценария.

С этого момента преступление стало жить собственной культурной жизнью. Оно вышло за пределы места и даты и превратилось в шаблон, в модель, в код.

Распространение сценария (с конкретикой подражания)

Год	Событие	Страна	Убиты	Ранены	Что именно копировали
1999	Columbine High School	США	13	23	Два нападавших, заранее подготовленная атака в школе, записи перед нападением
1999	W. R. Myers	Канада	1	1	Прямое подражание нападению в

					школе после Колумбайна
1999	Heritage High School	США	0	6	Попытка повторить школьный расстрел по той же модели
2001	Santana High School	США	2	13	Прямое заявление о желании «сделать как в Колумбайне»
2001	Granite Hills	США	0	5	Повторение сценария: ученик открывает огонь в школе
2002	Erfurt	Германия	16	1	Спланированное массовое убийство в школе по аналогии с Колумбайном
2004	Carmen de Patagones	Аргентина	3	5	Интерес к Колумбайну, попытка воспроизвести школьную стрельбу
2005	Red Lake	США	9	9	Подражание Харрису и Клеболду,

					копирование поведения и идей
2006	Emsdetten	Германия	0	37	Восхищение Харрисом и Клеболдом, публикации перед атакой, подготовка по их примеру
2007	Virginia Tech	США	32	23	Видеообращение перед нападением — аналог записей стрелков Колумбайна
2007	Jokela	Финляндия	8	13	Изучение материалов Колумбайна, публикация видео и текстов до атаки
2008	Kauhajoki	Финляндия	10	3	Повторение: записи перед нападением, подготовка и демонстрация оружия
2009	Winnenden	Германия	15	9	Интерес к Колумбайну, атака в учебном заведении по

					сходному сценарию
2015	Umpqua College	США	9	8	Сравнение себя с предыдущими стрелками, включая Колумбайн
2016	Townville	США	2	3	Изучение Колумбайна перед нападением
2018	Kerch College	Россия	20	73	Внешний образ: чёрная одежда, как у стрелков Колумбайна; сочетание взрыва и стрельбы; заранее подготовленный план
2019	Suzano	Бразилия	8	11	Одежда и символика, отсылающая к Колумбайну; совместная атака; подготовка по аналогии

2019	STEM School	США	1	8	Изучение Колумбайна перед атакой
2024	Perry High School	США	2	6	Интерес к предыдущим школьным атакам, включая Колумбайн
2024	Viertola School	Финляндия	1	2	Влияние модели школьных расстрелов, сформированной после Колумбайна
2025	Graz	Австрия	10	11	Одержимость Колумбайном, сходство образа и подготовки

И если после этого новые подростки снова и снова обращались к тому же образцу, то возникает жестокий, но неизбежный вопрос: **кто создал этот героизированный образ и почему ему позволили так широко разойтись? Почему разрушительный культ не был вовремя остановлен, если его подражательный потенциал был настолько очевиден?**

Здесь важно понять одну вещь. Для будущего стрелка значимо не только содержание информационного потока, но и то, как именно он устроен. Необязательно открыто призывать к насилию, чтобы подтолкнуть к нему. Достаточно снова и снова соединять в одном информационном поле несколько элементов: известность преступника, подробности атаки, число жертв, общественный шок, статус события как национальной травмы. Тогда в сознании подростка выстраивается скрытая, но предельно простая логика: был никем — стал известен всем. Был незаметным — вошёл в историю. Был униженным, обиженным,

потерянным — и одним действием заставил говорить о себе весь мир. Именно это и становится центральным крючком.

По такой логике главное, что внедряется в сознание потенциального стрелка, — представление о том, что высшая цель жизни состоит в славе и признании, а жизнь без видимости, без общественного следа будто бы лишена смысла. Для подростка, который уже внутренне сломан, это особенно опасный образ. Он видит не просто преступление. Он видит короткий путь из анонимности в бессмертие. В этом и состоит глубоко разрушительный соблазн: связать насилие с мгновенной мировой узнаваемостью. В рассматриваемой логике именно жажда славы оказывается той общей чертой, которая соединяет очень разных стрелков там, где психологи не могут собрать общий портрет.

Дальше вступает в действие то, что названо **методом кодирования частей головоломки**. Суть его в том, что подростка не подталкивают к преступлению одним лозунгом или одной публикацией. Наоборот, воздействие дробится на множество волн. Каждая волна несёт отдельный фрагмент будущей программы: восхищение известностью преступника, интерес к оружию как к символу силы, мысль о бессмысленности «обычной» жизни, постоянное присутствие в поле зрения прошлых расстрелов, дат, цифр, жертв, имён.

По отдельности эти элементы могут выглядеть как просто информация, как общественная дискуссия, как аналитика, как журналистика. Но, собираясь вместе, они образуют внутри восприимчивого сознания единую картину. Не сразу. Не в лоб. Не открытым приказом. А исподволь, через повтор, через эмоциональную насыщенность, через многократное возвращение к одним и тем же образам. И **делаться это может за несколько лет до трагического события**.

При этом важно понимать, что такое воздействие изначально рассчитано не на одного человека. Информационная волна всегда шире. Она охватывает сразу большое количество людей — всех, кто оказывается внутри этого поля. Каждый видит те же образы, те же истории, те же детали. Но результат возникает не у всех.

У большинства эти элементы так и остаются разрозненными. Они не складываются ни во что. Человек посмотрел — и пошёл дальше.

Но в какой-то момент среди всей этой массы оказывается тот, у кого эти фрагменты начинают соединяться.

Не на уровне осознанного анализа, а глубже. Сначала это просто зацепившие детали. Потом — возвращающиеся образы. Потом — внутреннее прокручивание. И постепенно из отдельных элементов складывается цельная конструкция. С конкретным сценарием. С пониманием, что делать. Где, когда и как.

*«Я помню, как всё это происходило по телевизору, это было действительно сюрреалистично. Конечно, были и другие перестрелки, но **ничто не привлекло такого внимания, как масштаб планирования, степень продуманности плана и то, как далеко они зашли в своих действиях, а также тот факт, что они до этого момента выкладывали всё это в интернет, потому что интернет тогда был для большинства людей чем-то новым, и никто не обращал внимания на то, что они делали**».*

И в этот момент возникает ключевая иллюзия. Человек не чувствует, что на него воздействовали. Он не воспринимает это как внешнее. Он воспринимает это как своё решение. Как будто он сам к этому пришёл. И именно поэтому из всей массы людей, на которых была направлена одна и та же информационная волна, в итоге срабатывает один. Не случайно. А потому что именно у него этот «пазл» сложился полностью. И дальше остаётся только реализация.

Поэтому особое место занимают так называемые потенциально опасные материалы и публикации. Их отличает не одна громкая фраза, а повторяемый рисунок. Старое преступление многократно возвращают в повестку, хотя другие СМИ давно переключились на иные темы. Одни и те же журналисты или связанные между собой медиагруппы снова поднимают событие, рассматривают его под новыми углами, публикуют очередные детали, интервью, версии, не давая ему исчезнуть из общественного воображения. При этом в таких материалах может не быть прямого сочувствия преступнику, но часто нет и жёсткого морального отторжения. Фокус распределяется так, что фигура убийцы остаётся в центре, а сама тема продолжает пульсировать в информационном пространстве.

Ещё один характерный элемент — постоянное сцепление темы школьных расстрелов с критикой властей, конкретных чиновников, полиции, спецслужб, их ошибок, бессилия, лжи, сокрытия фактов.

На уровне явного текста это может выглядеть как обычная журналистская претензия: общество имеет право знать, где система дала сбой. Но на глубинном уровне, если такой паттерн повторяется снова и снова, в сознании оседает другой вывод: власть не защищает, власть лжёт, власть беспомощна, рассчитывать не на

кого. К этому добавляется ещё одна деталь — навязчивое присутствие чисел: дат, времени, количества жертв, годовщин. Всё это превращает информационное сообщение в нечто большее, чем просто новость. Оно становится носителем кода, который закрепляется в памяти сильнее, чем кажется.

Именно поэтому связь с Уэйко и Оклахома-Сити так важна. Это не просто исторический фон Колумбайна. Это пример того, как **одна громкая трагедия, многократно прожитая людьми через телеэкран, может стать материалом для следующей.** Речь идёт не о случайном совпадении дат.

Речь идёт о передаче образа через медиа. Сначала страна с ужасом наблюдает одну катастрофу. Затем другая катастрофа подаёт себя как ответ на первую. Потом третья катастрофа впитывает в себя обе, стремясь их превзойти. И на каждом этапе СМИ не только информируют, но и закрепляют событие в национальном сознании как зрелище, как точку отсчёта, как память, к которой будут возвращаться. Именно так формируется опасная преемственность, в которой кровавая дата становится символом, а символ — готовой матрицей для подражания.

Но у этого процесса есть и ещё одно измерение — политическое. Каждая новая школьная бойня запускает в обществе мощную волну страха.

Родители начинают жить с ощущением, что безопасных мест больше нет. Школа, которая должна быть пространством защиты, в массовом воображении превращается в место возможной смерти. На этой почве часть общества требует от государства всё более жёстких мер, всё более строгих законов, всё более глубокого контроля. Страх подталкивает к просьбе: сделайте что-нибудь, даже если ради этого придётся отдать часть свобод. Но параллельно другая часть общества, наблюдая за теми же событиями, всё сильнее убеждается, что власть использует трагедии для расширения своих полномочий, а значит, ей нельзя доверять. Так единый страх раскалывает общество на два лагеря. Одни требуют жёсткости, другие видят в жёсткости дорогу к ещё большему подавлению прав. В результате растут не только тревога и боль, но и взаимная ненависть.

В этом и заключается одно из самых разрушительных последствий. **Массовое убийство детей работает не только как преступление против конкретных жертв. Оно становится инструментом переформатирования общества.** Оно усиливает контроль, ужесточает нормы, провоцирует конфликты вокруг власти, оружия, свободы, безопасности, прав, наказания. И если смотреть на феномен в целом, то становится видно: каждая

новая бойня не замыкается на себе. Она производит политический эффект, медийный эффект, психологический эффект. Она меняет общественную атмосферу. Она делает людей более управляемыми через страх и одновременно более озлобленными друг к другу через недоверие.

И если подвести итог совсем прямо, ответ оказывается куда жёстче, чем кажется на первый взгляд. Последние тридцать лет дети убивают детей не потому, что вдруг разом исчезла мораль. Речь идёт о процессе, в котором антикультовые структуры, прикрываясь защитой общества, формируют условия, при которых подростки берут в руки оружие и направляют его против тех, с кем ещё вчера сидели за одной партой. И именно это даёт возможность антикультистам раз за разом усиливать своё влияние.

Глава 8. Управляемая реальность

«Behavior reflects personality. The best indicator of future violence is past violence. To understand the "artist," you must study his "art." The crime must be evaluated in its totality»

«Поведение отражает личность. Лучшим индикатором будущего насилия является прошлое насилие. Чтобы понять “художника”, необходимо изучить его “искусство”. Преступление должно оцениваться в его совокупности»

— Джон Дуглас, бывший специальный агент ФБР и один из первых в мире криминальных профилиров.

Чтобы понять явление «Колумбайн», нам придётся посмотреть, что же ему предшествовало. Мы уже упоминали трагедию в Уэйко. Возможно, вы о ней когда-то что-то слышали. Но сейчас важно сделать паузу и попробовать увидеть эту историю заново — без готовых оценок. И начать не с штурма. А с людей. Кто они были на самом деле.

Комплекс Маунт Кармел под Уэйко не возник внезапно. Это место существовало задолго до событий 1993 года. Ещё с 1930-х годов там сформировалась религиозная община, связанная с адвентистской традицией. Со временем она трансформировалась. После разногласий внутри церкви в 1955 году

возникает как движение «Ветвь Давидова». Менялись лидеры, менялось понимание текстов, но сама идея оставалась прежней — жить отдельно, в соответствии со своим пониманием Писания.

К началу 90-х в Маунт Кармел жило несколько десятков человек. Это не был закрытый «лагерь». Люди приезжали и уезжали. У кого-то была работа за пределами комплекса. Кто-то занимался ремонтом, кто-то музыкой, кто-то помогал друг другу внутри общины.

У них была своя повседневность. Утро начиналось с обычных вещей — работы, обязанностей, разговоров. Но при этом у них была одна особенность, которая отличала их от большинства окружающих. Они воспринимали свою жизнь как часть религиозного пути.

Давидианцы много времени уделяли изучению Библии. Причём не просто чтению, а разбору, обсуждению, поиску смысла. Для них это было не «хобби» и не «традиция выходного дня». Это было ядром их жизни.

Они верили, что живут в особое время. Что события, описанные в Писании, — это не далёкое прошлое, а то, что может разворачиваться прямо сейчас. И отсюда вытекало многое:

- внимание к символам и пророчествам;
- попытки понять, что происходит в мире;
- ощущение, что их жизнь имеет особое значение.

Это делало их отличающимися. Но не враждебными. И это важно зафиксировать. Потому что очень легко подменить «не такие, как все» на «опасные».

Как они выглядели со стороны?

Есть одна деталь, которая часто теряется. Люди, которые реально сталкивались с этой общиной, никогда не описывали их как угрозу. Шериф округа Джек Харвелл, который знал их, говорил:

«У них было много женщин, детей, пожилых людей. Все они были хорошими, добрыми людьми. Их взгляды отличались от других, отличались от моих, а может и от ваших в их образе жизни и особенно в их религиозных убеждениях. Но, в общем, они были хорошими людьми. Я часто с ними общался. Они всегда

были милыми, воспитанными, не лезли не в свое дело. Они никогда не были навязчивыми. Всегда были чистыми и вежливыми. Они мне нравились» [48].

Попробуйте это удержать. Не оценку. А ощущение.

Перед вами не абстрактная «группа». А конкретные люди, которых можно встретить, которым можно пожать руку, с которыми можно разговаривать.

Чтобы действительно понять, что произошло дальше, важно увидеть их изнутри. В Маунт Кармел не было разделения на «частную» и «общую» жизнь в привычном смысле. Люди жили рядом, постоянно взаимодействовали друг с другом. Помогали. Делили обязанности. Участвовали в общей жизни.

Дети росли в этом же пространстве. Они не были «отделены» от мира полностью, но их окружение формировалось этой средой. Для них это было нормально. Как для любого ребёнка нормально то место, где он растёт.

К началу 90-х центральной фигурой в этой общине становится человек, принявший религиозный псевдоним Дэвид Кореш. Его настоящее имя — Вернон Хауэлл. Он не появился там внезапно и не был «чужим», пришедшим извне. Он прошёл тот же путь, что и другие — через участие, через изучение. Постепенно его начинают воспринимать как того, кто лучше других ориентируется в Писании. Он разбирал тексты Библии, связывал их между собой, объяснял пророчества. Для тех, кто искал ответы, это имело значение. Люди приходили к нему не за приказами, а за пониманием. И именно поэтому его начинали слушать. Не потому, что их заставляли. А потому что они сами хотели понять.

Это важно. Потому что дальше его будут описывать иначе. Но на этом этапе он — человек, к которому обращаются, когда хотят разобраться.

После того как Дэвид Кореш становится заметной фигурой внутри общины, меняется не сама жизнь в Маунт Кармел, а то, как о ней начинают говорить за пределами.

До конца 80-х годов давидианцы практически не фигурировали в публичном поле. Для местных жителей это была одна из многих религиозных групп, существующих на своей территории. Ситуация начинает меняться в начале 90-х.

В 1992 году в местной газете *Waco Tribune-Herald* выходит серия публикаций под общим названием **«The Sinful Messiah» («Грешный Мессия»)**.

Это не единичная статья, а целая серия материалов.

В публикациях впервые системно формируется набор обвинений, якобы изучение судебных документов и заявлений правоохранительных органов, выявило жалобы на то, что Дэвид Кореш:

- подвергал детей физическому и психологическому насилию;
- хвастался тем, что имел сексуальные отношения с несовершеннолетними девушками в «культе»;
- утверждал, что имеет божественное право брать себе жену любого мужчины;
- и имел по крайней мере 15 так называемых «жён» [49].

При этом важно зафиксировать: эти утверждения подаются не как версии, требующие проверки, а как уже установленные факты.

Из описания исчезают конкретные люди. Члены общины перестают фигурировать как отдельные личности — со своими именами, историями, жизнью. В центре остаётся только фигура Кореша, а все остальные начинают описываться как «последователи», «члены культа», «секта на подобие Джонстауна».

Это не нейтральное описание. Это изменение рамки восприятия.

Дальше формулировки начинают повторяться из материала в материал. И именно здесь появляется человек, который становится одним из ключевых источников обвинений против «Ветви Давидовой». Бывший участник общины — Марк Брео, **ушедший из нее после конфликта с Корешем**.

Именно он начал распространять самые тяжёлые утверждения: о якобы жестоком обращении с детьми, о «промывании мозгов», о возможности массового самоубийства, о военизированной подготовке в Маунт Кармел, о круглосуточных наблюдательных постах, приказах стрелять в подозрительных лиц и подготовке войны против правительства США. Его слова не были представлены как версия, требующая проверки. Напротив, они стали использоваться как фактическая основа для дальнейших решений.

При этом в материалах против давидианцев не указывалось принципиально важное обстоятельство: **Брео был слепым**. Однако именно его заявления использовались для описания вещей, которые предполагали личное визуальное наблюдение: он якобы участвовал в физической подготовке и стрельбе под руководством Кореша, а также якобы служил вооружённым охранником. Это

несоответствие само по себе требовало жёсткой проверки его показаний. Но такой проверки проведено не было. Наоборот, его слова вошли в материалы следствия и начали работать как достоверные сведения.

Ещё показательнее история с обвинениями в насилии над детьми. В 1992 году Служба защиты детей Техаса (CPS), получив **анонимное сообщение**, трижды посетила Маунт Кармел. Сотрудники CPS провели медицинские осмотры 12 детей из общины. Расследование не выявило ни признаков жестокого обращения, ни травм. После этого дело было закрыто за отсутствием доказательств. Шериф округа позже прямо говорил: *«На самом деле не было никаких доказательств жестокого обращения с детьми. Это были всего лишь обвинения. И сегодня я снова утверждаю, что мы не нашли ни одного доказательства жестокого обращения с детьми»* [50].

Марк Брео не был единственным человеком, чьи слова начали восприниматься как описание происходящего в Маунт Кармел.

Летом 1992 года в эту историю входит **Рик Росс** — человек, которого в США уже тогда активно привлекали как **«специалиста по культам»**. Мы о нем уже ранее упоминали. Он участвует в депрограммировании бывшего члена общины — Дэвида Блока. Происходит это в доме Присциллы Коутс, связанной с Cult Awareness Network.

Само депрограммирование — это не нейтральная беседа и не добровольное интервью. Речь идёт о давлении, при котором человека насильно удерживают и добиваются от него нужных показаний. Именно после этой процедуры Блок начинает говорить о том, что в Маунт Кармел якобы хранится оружие.

Эта информация передаётся в ATF (Бюро по контролю за оборотом оружия и взрывчатых веществ), где у Росса были личные связи. Позже, уже после событий, в отчёте Министерства финансов США прямо будет указано: **сведения об оружии оказались неточными** и основывались исключительно на показаниях одного человека.

При этом сам факт наличия оружия в общине не скрывался и не являлся незаконным. В Техасе в то время легальная торговля оружием была обычной практикой, и для давидианцев это было одним из источников дохода. Оружие приобреталось законно, оформлялось соответствующим образом, часть изделий

продавалась на выставках. То есть речь шла не о подпольной деятельности, а о легальной.

И здесь возникает важный разрыв между тем, что было, и тем, как это начинает восприниматься.

На этом фоне происходит ещё один показательный момент.

Дэвид Кореш не скрывается от контакта с властями. Когда интерес со стороны ATF становится очевидным, он предлагает агентам приехать в Маунт Кармел, осмотреть оружие и проверить лицензии. То есть фактически даёт возможность на месте убедиться в законности того, что им приписывают. Предложение отклоняют.

И это важно зафиксировать, потому что в этот момент ещё существует возможность проверить информацию напрямую — не через посредников, не через бывших участников, не через интерпретации. Но этой возможностью не пользуются.

К концу 1992 года у федеральных агентов уже складывается определённое представление о том, с кем они имеют дело. Представление формируется из нескольких источников, которые начинают усиливать друг друга. С одной стороны — Марк Брео, который после ухода из общины даёт резкие и тяжёлые оценки происходящего. С другой — Дэвид Блок, чьи показания были получены в ходе депрограммирования. С третьей — Рик Росс, который не просто передаёт информацию, но и фактически задаёт рамку её интерпретации. Причём его роль не ограничивается частными консультациями. Согласно материалам расследования, **он был в контакте как с федеральными структурами, так и со СМИ, включая Waco Tribune-Herald.**

Серия публикаций «The Sinful Messiah», выходившая в этот период, строится на комментариях Рика Росса.

В результате один и тот же набор утверждений начинает циркулировать сразу в нескольких пространствах — внутри правоохранительных органов и в информационном поле. И чем чаще он повторяется, тем меньше воспринимается как версия и тем больше — как установленный факт. Дальше эта картина закрепляется уже на уровне официального документа.

Дело ведёт агент ATF Дэйви Агилера. Позднейшее расследование показало, что заявление Агилеры содержало многочисленные ошибки, искажения фактов, неверные толкования закона и путаницу. Он включил обвинения в жестоком

обращении с детьми в заявление на ордер на обыск и арест Кореша, хотя **обвинения не подтвердились проверкой Службы защиты детей.**

В заявлении утверждалось, что у Кореша было противотанковое ружьё калибра .52, тогда как фактически **речь шла о ружье калибра .50, владение которым было законным.** Упоминались гранаты, но не указывалось, что они были **приобретены законно и продавались на оружейных выставках как пресс-папье.** Упоминался звук мощного взрыва на территории Маунт Кармел, но умалчивалось, что шериф проверил этот эпизод и установил: **давидианцы законно использовали динамит при строительных работах.**

Иными словами, у федеральных структур были основания не усиливать обвинения, а, наоборот, перепроверять их. Но произошло противоположное: именно на этих сведениях была выстроена логика дальнейших действий. Более того, Министерство финансов позже критиковало ATF за чрезмерную опору на единственный сомнительный источник информации. А ордер на обыск Маунт Кармел был выдан 25 февраля 1993 года именно на основании этих материалов.

Именно здесь важно зафиксировать главное. **До штурма государственные структуры располагали не установленными фактами, а набором обвинений, значительная часть которых либо не подтверждалась, либо уже противоречила результатам официальных проверок.** С этого момента история «Ветви Давидовой» перестала быть историей о религиозной общине и стала историей о том, как непроверенные обвинения превращаются в основание для силовой операции.

На воскресенье, 28 февраля 1993 года, был запланирован рейд федеральных агентов на ранчо, где проживали давидианцы, с целью обыска и задержания их лидера. Операция получила официальное кодовое название «Троянский конь», но позднее стала известна как «Шоутайм» — именно так называли её сами агенты. И важно здесь не только само решение о рейде, но и обстановка, в которой оно принималось. К этому моменту представление о давидианцах уже было сформировано средствами массовой информации: их видели не как религиозную общину, живущую на своей земле, а как замкнутую, вооружённую и фанатичную группу, якобы готовую к самоубийству и войне с государством. Именно из такого образа и вырос весь последующий силовой сценарий.

Федеральные агенты подходили к операции уже с заранее сформированным представлением. Они были уверены: давидианцы не станут сотрудничать, они

настроены против государства, находятся под полным контролем своего лидера и при первой же встрече готовы перейти к «священной войне». В их восприятии это были не граждане, а опасные фигуры, способные на крайние действия — те, кого уже описывали как террористов, фанатиков и смертников.

Именно это убеждение во многом объясняет, почему мирный сценарий даже не рассматривался как реальный вариант. Вместо этого был выбран другой путь: «динамичный» штурм — рассчитанный на подавление.

Именно здесь становится видно, насколько сильно может быть искажено восприятие реальности. Когда образы подменяют факты, а ожидание угрозы становится важнее самой проверки этой угрозы.

Без этих ярких, демонизирующих представлений, которые заранее усиливали страх и рисовали максимально опасный сценарий, трудно представить, что операция изначально строилась бы как силовой штурм. Вероятнее всего, рассматривались бы другие, более спокойные варианты. Но этого не произошло.

В этой цепочке отдельную роль сыграли представители антикультового движения, включая Рика Росса, через которого оказывалось влияние на формирование этого восприятия на уровне принятия решений.

Накануне рейда и в день самого штурма 27 и 28 февраля по стране вышла масштабная волна публикаций с почти одинаковыми утверждениями, повторявшими одни и те же обвинения в адрес общины. То есть удар был не только силовой, но и информационный: ещё до того, как в Маунт Кармел полезли вооружённые люди, для внешнего мира уже была подготовлена нужная рамка восприятия. Например,

«...sources confirm the group has military-type weapons. Sources say Howell and his followers could be manufacturing "grease guns," a type of machine gun, and that the Davidians are building an underground firing range. Former members who left the cult as long as two years ago report that members practice firing weapons, including M-16 rifles»

«...источники подтвердили, что у группы есть оружие военного типа. Источники сообщают, что Хауэлл (Кореш) и его последователи могут производить "grease guns" — разновидность пистолета-пулемёта, а также что давидианцы строят подземный тир. Бывшие участники, покинувшие группу до

двух лет назад, утверждают, что члены общины практикуются в стрельбе, включая использование винтовок М-16» [51].

Всё было заранее разложено: есть «опасный культ», есть «вооружённый лагерь», есть лидер, которого надо остановить.

А дальше произошло то, что потом десятилетиями будут объяснять короткими формулами — «перестрелка», «сопротивление», «культ открыл огонь». Но за этими словами исчезает самый первый момент: в дом, где находились семьи, дети и пожилые люди, пришли вооружённые федеральные агенты.

В ходе рейда началась стрельба. Погибли десять человек: шесть давидианцев и четыре агента ATF. Дэвид Кореш был ранен. После гибели федеральных агентов контроль над ситуацией перешёл к ФБР.

"4 Agents Die in Battle With Cult"

«4 агента погибли в бою с культом»

"A self-proclaimed modern-day Christ and his legion of God's marines apparently tipped to a meticulously planned raid by federal authorities blasted the charging agents with gunfire yesterday at the cult's fortified compound in Texas."

«Самопровозглашённый современный Христос и его легион "морских пехотинцев Бога", по всей видимости предупреждённые о тщательно спланированном рейде федеральных властей, открыли огонь по наступающим агентам в укреплённом комплексе культа в Техасе».

Особенно важны здесь записи звонков, сделанные 28 февраля из Маунт-Кармел. Именно они позволяют увидеть событие не как официальную формулу, а как живую реакцию людей, которые в этот момент находились внутри.

Оператор 911: служба 911, что у вас случилось?

Уэйн Мартин: вокруг нашего здания около 75 человек, и они стреляют по нам!

Оператор 911: так, минутку...

Уэйн Мартин: да! Скажите им, что здесь дети и женщины, и чтобы они прекратили!...

Оператор 911: хорошо... Уэйн...

Стив Шнайдер: мы не стреляем... Это не мы, это они!

Оператор 911: хорошо... да... хорошо...

Даже в пересказе эти реплики работают сильнее любых оценок: они показывают страх, дезориентацию и попытку остановить происходящее хоть через экстренную службу.

Один из выживших, Дэвид Тибодо, позже сформулировал эту ситуацию предельно просто: *«Представьте, вы только что закончили завтракать, а какой-то мужик в черном костюме приходит с пистолетом и стреляет в члена вашей семьи. Как вам понравится такое начало дня? Как вы, как человек, отреагируете на то, что этот тип пытается войти в вашу дверь? Это не лучший способ начать «диалог». Особенно с людьми, которых вы сами называете фанатиками и у которых, по вашим словам, много оружия»* [52].

Есть то, без чего нельзя честно понять Уэйко: рефлекс самозащиты возникает не в вакууме. Он возникает в ту секунду, когда к вам в дом входят с оружием.

После первого столкновения началась осада, продолжавшаяся пятьдесят один день. На месте сразу оказалось огромное количество журналистов, и противостояние почти мгновенно превратилось в прямую трансляцию для всей страны и затем для всего мира.

По данным расследований и официальных отчётов, в операции участвовали: 10 бронемашин Bradley, два танка Abrams, четыре инженерные боевые машины, 668 агентов, а также шесть сотрудников таможенной службы США, 15 военнослужащих армии США, 13 членов Национальной гвардии Техаса, 31 техасский рейнджер, 131 сотрудник Департамента общественной безопасности Техаса, 17 сотрудников офиса шерифа округа Макленнан и 18 полицейских из Уэйко — всего 899 человек. Один из журналистов описал происходящее как «военный фильм», только на этот раз он шёл не в кинотеатре, а в реальности.

И это важный штрих: против нескольких десятков людей, живших в религиозной общине, была развёрнута сила, больше похожая на театр боевых действий, чем на правоохранительную операцию.

Официально ФБР говорило о переговорах и попытках мирного выхода. И переговоры действительно шли. Некоторые люди покинули здание и были сразу арестованы.

Давидианцы очень быстро оказались в полной изоляции. Телефонная линия была почти сразу оборвана. Связь с внешним миром исчезла. Они могли говорить

только с агентами ФБР и в редких случаях — общаться с журналистами, вывешивая простыни с надписями в окнах.

То есть у общества была масса картинок снаружи, но не было нормального доступа к голосу тех, кто находился внутри. И в этот же момент ФБР продолжало консультироваться с Риком Россом — тем самым человеком, который уже сыграл ключевую роль в формировании демонизированного образа общины. Более того, именно Росс имел наиболее широкий доступ и к ATF, и к ФБР среди фигурирующих в деле «экспертов по культам», и именно его слушали особенно внимательно.

Это важно на фоне того, что другие специалисты — теологи, религиоведы, библеисты — рекомендовали силовикам говорить с давидианцами на понятном им религиозном языке и не применять грубые силовые методы. Их мнения отвергались. Иными словами, тех, кто предлагал путь к снижению напряжения, не слушали, а тех, кто годами навешивал ярлыки и видел в любой новой религиозной группе только «культ», допускали к принятию решений.

Во время осады ФБР отключило воду и электричество, направило на окна мощные прожекторы, которые светили круглосуточно, и непрерывно включало через громкоговорители громкую музыку и раздражающие шумы.

На территорию была заведена техника, которая давила автомобили и стоявшие рядом постройки.

Если власти действительно считали, что внутри находятся «промытые мозги» и нестабильные люди, зачем было сознательно доводить их до предела, лишать сна и бомбардировать светом и шумом, не зная, какой будет реакция?

Это слова одного из 9 выживших давидианцев Дэвида Тибодо: *«Когда мы говорим о психологических операциях, мы говорим о психоперациях и системе громкоговорителей, о звуковой системе, которая работала на протяжении той недели и пыталась не давать нам спать круглосуточно. Это очень сильное воздействие — отсутствие сна, правда? Смотря на этот громкоговоритель, на этот большой, мне очень хотелось бы его выключить, прямо сейчас заставить его замолчать, но при этом не делать этого, потому что понимаешь: это даст им повод сделать то, чего они на самом деле хотят — прийти и застрелить тебя» [53].*

Не знаю на сколько вам известно, но одной из самых ужасных пыток для человека является лишение его сна. А звуки, которые включало ФБР — не просто шумы — это мучительно тревожные звуки забоя животных (лошадей, кроликов, уток), звуки бормашин, плач младенцев, лай собак, записи реактивных самолетов. Вы можете себе это представить? Хорошо, агентам не было жалко взрослых, в их восприятии сектант = не человек, но на территории комплекса были маленькие дети. Напрашивается вопрос: а их точно хотели спасти?

В прямом эфире с места событий репортер Дебби Джонсон озвучивает фразу: «В перестрелке был убит двухлетний член культа». Не ребенок. Двухлетний член культа! Подобные формулировки уже звучали в истории — в нацистской Германии.

К середине апреля, переговорщики и тактическая группа действовали вразнобой: первые пытались добиться доверия, вторые — запугивали и давили, подрывая работу собственных коллег. Более того, ФБР объявило дальнейшие переговоры бессмысленными уже после того, как была достигнута договорённость: давидианцы выйдут после того, как Кореш завершит свою интерпретацию Семи печатей Апокалипсиса.

В 30-ю годовщину осады Уэйко Дэвид Тибодо сказал: *«Вся правда по-прежнему так и не была по-настоящему рассказана. Вам нужны взгляды людей... из первых рук — тех, кто был внутри. Я хотел бы поговорить о Дэвиде Кореше. Он был единственным человеком, который был указан в ордере — за ним приходили. Он каждый день бегал трусцой перед домом, домом за которым наблюдал ATF. Они могли — и должны были — задержать его снаружи здания. Им не нужно было заходить туда с 75 вооружёнными людьми и вертолётами с тыльной стороны здания.*

То, как они выбрали момент для исполнения этого ордера, я считаю... преступным. Они знали, что потеряли элемент внезапности, и всё равно пошли вперёд. Это те вещи, которых... всего этого можно было избежать. Именно это я говорю уже много-много лет. И вы хотите знать, что происходило во время осады. Многое. Было ужасное отсутствие связи между переговорщиками и тактическими командирами. Бывали моменты, когда люди выходили — довольно медленно. Сначала двое-трое, потом ещё несколько выходили. И затем тактические командиры начинали усиливать давление. Танки ездили по нашей территории снаружи здания. Они начинали давить машины, переезжали некоторые могилы, которые у нас были перед зданием. Там было место, где был

похоронен Питер Джонс. Они делали вещи, чтобы провоцировать людей внутри здания, и мы никак не могли понять — почему? Если всё и так идёт медленно, зачем вы усиливаете давление? Есть один человек, профессор, с которым я работал, из Бомонта, штат Техас. Он провёл анализ... есть книга, которую ФБР использует в подобных ситуациях. И там было что-то около 26 нарушений их собственных процедур. Они хотят вывести людей из здания. У них есть планы. У них есть свод правил. И 26 раз они нарушили свои же правила. Как они ожидали, что будет какое-то согласие и что люди просто выйдут из этого здания?» [54].

Приведем для понимания отрывок из книги «Уэйко: Правила ведения боевых действий» (1997):

Дэвид Кореш: ... послушай, Джим... Нет ничего, что ранило бы меня больше, чем когда меня называют лидером секты, понятно? Если я не прав, то такие, как я, не заслуживают жизни, хорошо?

Джим Кавана: ... слушай... слушай...

Дэвид Кореш: ты меня понимаешь, Джим?... Знаешь, не поджигай наше здание...

Джим Кавана: а, мы этого делать не будем...

Дэвид Кореш: не надо, не надо нас всех расстреливать...

На слушаниях 1995 года адвокат Дик ДеГерин вспоминал письмо Кореша от 14 апреля: тот писал, что получил свою миссию, работает над текстом и что люди внутри испытали облегчение от мысли, что им не придётся умирать сейчас и что всё может разрешиться.

Филипп Арнольд, теолог, позже говорил, что, по его мнению, все могли бы выйти живыми: «Он ждал 51 день. А затем он сказал, что слово пришло к нему и сказало: “Пиши”. И он написал. Вот это вынес один из выживших в день пожара. Он выполнял свое обещание, данное 14 апреля».

В одном из приведённых эпизодов ребёнок спрашивает у переговорщика Джима Кавано: «Вы собираетесь прийти и убить меня?» Тот отвечает: «Нет, милая... никто не придёт и не убьёт тебя». Через день начинается финальный штурм.

Генеральный прокурор Джанет Рино данное действие комментирует такими словами:

«Я столкнулась с ситуацией, когда переговорщики сказали, что, по их мнению, мы зашли в тупик. Больше никто не выходит добровольно. Мы рассмотрели всю ситуацию и приняли наилучшее решение, которое только могли. Я очень рада, что благодаря информации, которую мне предоставило ФБР, я была в курсе дела» [55].

Решающим обстоятельством, оказавшим серьёзное влияние на принятые решения, стало убеждение, что дети, находившиеся внутри здания, подвергаются опасности и, возможно, уже стали жертвами насилия. Эти представления во многом сформировались под воздействием серии публикаций под общим названием «Грешный Мессия», подготовленных Марком Брео в соавторстве с Риком Россом.

Опираясь на эти убеждения, во многом продиктованные антикультовыми нарративами, активно распространявшимися через средства массовой информации, генеральный прокурор США пришла к выводу о необходимости начала операции — якобы направленной на освобождение заложников — и санкционировала штурм здания, где находились давидианцы вместе со своими детьми.

19 апреля 1993 года. К зданию направили бронемашины. Они входят в конструкцию дома, разламывают стены, продавливают перекрытия. Внутри здания начинают закачивать газ.

Официально — CS. Тот самый, который в инструкциях описывается как «несмертельное средство». Но здесь важно понять разницу, без которой невозможно оценить происходящее. Этот газ рассчитан на использование на открытом воздухе. На улице его эффект выглядит так: человек испытывает резкое жжение в глазах, начинает кашлять, теряет ориентацию — но при этом у него есть возможность отойти, выйти из облака, восстановить дыхание. Воздействие временное. Это ключевое условие его «безопасности».

Теперь посмотрим, что происходит, когда этот же газ закачивают внутрь здания. В закрытом пространстве он не рассеивается. Он накапливается. Становится плотнее. Концентрация растёт. И вместе с этим меняется сам характер воздействия. Сначала — всё то же: жжение, слёзы, кашель. Но дальше — другое. Человек начинает задыхаться. Дыхательные пути спазмируются. Каждый вдох даётся с усилием. Появляется паника, потому что воздух есть — но вдохнуть его невозможно. Дальше — потеря контроля над телом. Состояние тошноты.

Прикосновение к коже может быть крайне болезненным. Люди падают. Теряют координацию. Некоторые — сознание. Это уже не состояние, из которого можно «взять себя в руки». Это состояние, в котором человек становится беспомощным. И именно в этом состоянии находились люди внутри здания.

Взрослые ещё могли попытаться надеть противогаз — если он был. Но и здесь есть деталь, которую невозможно игнорировать. Власти знали, что на территории есть противогазы. И знали, что детям они не подойдут. Это означает, что с самого начала условия были неравными. Ребёнок не может адаптировать маску под себя. Он не может удерживать её правильно. Он не может контролировать дыхание. И в условиях высокой концентрации газа он оказывается первым, кто теряет возможность сопротивляться.

Представьте эту сцену. Закрытое помещение. Газ, который становится всё плотнее. Ребёнок начинает задыхаться. Падает. Перестаёт двигаться. Родитель рядом. Он видит это. Он понимает, что происходит. Но ничем не может помочь. Это не ситуация выбора. Это ситуация отсутствия возможности действовать.

Когда бронетехника начала разрушать стены, это не было «аккуратным проникновением». По результатам судебно-медицинских экспертиз, часть людей погибла именно под обрушившимися конструкциями. Более того, бронемашины проходили по телам — буквально разрывая их.

Это не похоже на операцию по спасению. Это выглядит как силовое уничтожение пространства вместе с теми, кто внутри. И дальше происходит то, что до сих пор остаётся одним из самых спорных моментов всей трагедии. В здании сразу вспыхнул пожар. Он возникает не в одном месте.

Когда люди внутри уже частично обездвижены. Огонь распространяется сразу в нескольких точках. Человек, который мог бы выбежать — не может. Человек, который мог бы вынести ребёнка — не может. Они остаются там. Живые. Внутри газа. Внутри огня.

Снаружи по громкоговорителю в это же время звучит голос: *«Это не выход из ситуации. Выведи своих людей, Дэвид. Будь мессией, а не разрушителем».*

Но внутри уже нет тех, кого можно «вывести». Потому что часть давидианцев к этому моменту уже была мертва, а часть не могла двигаться. Потому что газ сделал своё. **Могли ли эти люди вообще выбраться в тех условиях, которые для них были созданы?**

Пожарные прибывают к месту. Они готовы работать, но их не пускают.

«Когда пожар начался и прибыли пожарные машины, я их не впустил. Я удерживал их на контрольно-пропускном пункте, потому что не хотел, чтобы пожарные попали под обстрел. Я просто не мог этого допустить», — вот так прокомментировал свое решение специальный агент ФБР, Джеффри Джамар.

Маунт Кармел сгорел дотла. Погибли 76 человек, в том числе 25 детей, среди которых были младенцы и малыши младше трёх лет. Кореш был найден с огнестрельным ранением головы.

Менее чем через месяц остатки зданий уничтожают бульдозерами. Не остаётся ничего. Ни конструкции. Ни следов. Ни возможности провести полноценное исследование. И тогда история окончательно переходит из плоскости фактов в плоскость версий.

На протяжении всей осады средства массовой информации не показывали давидианцев как обычных людей. Их голоса не звучали, их точка зрения оставалась за кадром.

ФБР также не передавало журналистам видеозаписи, сделанные самими давидианцами внутри комплекса. Эти записи могли бы изменить восприятие — показать лица, чувства живых людей. Но этого не произошло. В результате у зрителя не возникало ни сочувствия, ни желания разобраться, ни тем более — встать на их защиту.

Между тем внутри здания звучали совсем другие слова.

Одна из женщин обращалась к близким: *«Моей семье и друзьям я хочу сказать, что со мной всё в порядке. Я знаю, что вы все волнуетесь за нас. Я просто хочу, чтобы вы знали, что сейчас с нами всё в порядке».*

Офелия Сантойо заявляла: *«Я решила остаться. Я не хочу уходить».*

Мужчина-репортер: *«Значит вас тут не держат против вашей воли?»*

Офелия Сантойо: *«Нет».*

Семья Генри (женщина): *«Меня тут не держат как заложницу или что-то в этом роде. Если кто-то из нас хочет уйти, мы можем просто уйти прямо сейчас».*

Дорис Фаган: *«Я здесь, потому что хочу быть здесь».*

Скотт Сонобе: *«Меня зовут Скотт Сонобе и меня не держат здесь против моей воли. Не беспокойтесь обо мне. У нас всё будет хорошо. Бог всем управляет».*

Даже после смерти всех этих людей против них продолжалась клеветническая компания. Мирных, ни в чём не повинных американских граждан убили — и одновременно сделали всё, чтобы это выглядело как их собственное самоубийство. Приведем несколько примеров.

Дик Роджерс, бывший командир группы ФБР по освобождению заложников, во время слушаний в Конгрессе 1995 года по делу Уэйко говорит: *«И я еще раз напому американцам, что все это время, за эти шесть часов и, вообще, за все эти 51 день, ФБР не сделало ни одного выстрела по давидианам».*

А это слова Дэвида Тибодо, который находился внутри комплекса: *«Они вошли и первым делом застрелили собак...»*

«Я считаю, что эти вертолёты стреляли по зданию. Я видел доказательства этого в гипсокартоне и в потолке, в крыше. Я видел доказательства этого в водяном баке. И я никогда не забуду, как Кевин Уайткрест подошёл ко мне тем утром после прекращения огня, крича и в ярости: «Они вошли, стреляя» [56].

А как вам заявление в сенате США Джозефа Р. Байдена? Он говорит: *«Дэвид Кореш и давидиане сами подожгли себя и совершили самоубийство. Правительство этого не делало».*

А это слова Билла Клинтона, 42-го президента США, на пресс-конференции в Белом доме, сказанные им 20 апреля 1993 года:

«Усилия Бюро оказались в конечном итоге безуспешными, потому что человек, с которым они имели дело, Дэвид Кореш, был опасен, иррационален и, вероятно, безумен. ... Я откровенно говоря, был удивлен, и это еще мягко сказано, что кто-то мог выразить мнение, что генеральный прокурор должен уйти в отставку из-за того, что какие-то религиозные фанатики убили себя» [57].

Не напоминает ли это вам акт геноцида?

Бывший специальный агент ФБР Фаррис Рукстул дал свою оценку происходящему: *«Мне кажется, что СМИ и правительство сделали своего рода общее заявление о том, что «Ветвь Давидова» совершила, цитата, «массовое*

самоубийство». Для того, чтобы приравнять это к самоубийству в Джонстауне, Гайана» [58].

Дегуманизация давидианцев вместе с манипулятивной риторикой антикультовых структур стерла их человеческий облик, превратив граждан США в безликую массу «религиозных фанатиков».

Трагедия в Уэйко — гибель невинных людей и детей — по сути выглядит как целенаправленное уничтожение, к которому привели антикультовые нарративы, реализованные через действия властей и правоохранительных структур. И в этом смысле те, кто принимал такие решения, действовали по логике, опасно напоминающей самые тёмные страницы истории XX века. Я имею ввиду нацистов времен Второй мировой войны.

Спустя год после произошедшего в Уэйко Рик Росс, чьё влияние на развитие и исход этих событий было заметным — в новых публикациях в СМИ вновь давал оценку личности Дэвида Кореша и описывал последователей «Ветви Давидовой» следующим образом:

«Эта группа, без всяких сомнений, является крайне разрушительным, манипулятивным культом... Я бы сравнил эту группу с Джимом Джонсом ... [Кореш] — типичный лидер культа... Все они одинаковые. Встретьте одного — и вы встретите всех. Они глубоко психически нездоровы, имеют пограничное расстройство личности и лишены какой-либо совести... Никто не вступает в подобные отношения по собственной воле... Так что речь идет об обмане и манипуляции (со стороны лидера), о постепенном, едва заметном вовлечении людей, которые все глубже и глубже затягиваются, не понимая, к чему это приведет, и не видя всей картины целиком» [59].

Даже после гибели этих людей антикультовые активисты не прекратили кампанию по дискредитации «Ветви Давидовой». Напротив, они продолжили формировать в общественном сознании образ опасной и деструктивной секты, представляя её членов как фанатиков, психически нестабильных людей, склонных к самоубийству.

Трагедия была использована ими как инструмент влияния — фактически как форма информационного давления, направленного на запугивание других религиозных общин и создание прецедента, подрывающего доверие общества к правоохранительным органам.

История с Уэйко не закончилась в 1993 году. Она не исчезла вместе с дымом над Маунт-Кармел. Она не осталась в отчётах, стенограммах и телевизионных сюжетах. Она продолжила жить — в восприятии людей.

Во время осады, на холме примерно в трёх милях от комплекса собирались люди. Они стояли там часами, наблюдая за происходящим, пытаясь понять, что именно происходит за пределами камер.

Среди них был 24-летний ветеран армии — Тимоти Маквей. Он не выглядел как человек, который однажды станет символом одной из самых страшных трагедий в современной истории США. Он сидел на капоте своей машины, спокойно разговаривал с теми, кто подходил.

Одна из студенток-журналисток спросила, почему он здесь. Он сказал, что пришёл из-за происходящего. Что он был против того, как был проведён первоначальный рейд. Что, по его мнению, всё можно было решить иначе — если бы местный шериф просто пришёл и выдал ордер на арест.

Он говорил спокойно. Без агрессии. Без напряжения.

Он был открыт к разговору:

«Я думаю, если бы шериф вручил ордер, всё было бы в порядке».

«Они совсем не тактические. Они государственные служащие».

«Похоже, ATF просто хочет поиграть со своими игрушками, оплачиваемыми государственными деньгами» [60].

Он также говорил, что, по его мнению, именно правительство во многом виновато в происходящем в Уэйко. Что федеральные структуры нарушили конституционные принципы. Что вооружённые силы не должны использоваться против гражданских — но, по его словам, именно это и произошло. Он добавил, что противостояние с Корешем — это только начало, и что люди должны следить за ролью правительства и обращать внимание на любые тревожные сигналы [61].

Проходит время. 19 апреля 1995 года — ровно через два года после гибели людей в Уэйко — к федеральному зданию подъезжает фургон. На человеке за рулём футболка с надписью: «Sic Semper Tyrannis» — «Так всегда бывает с тиранами» [62].

Через несколько минут происходит взрыв. Сила удара сопоставима с землетрясением магнитудой около 3,0. Значительная часть здания обрушилась, погребя под собой находившихся внутри людей. Ударной волной были

повреждены сотни объектов — всего пострадало 324 здания в радиусе шестнадцати кварталов.

В результате теракта погибли 168 человек, среди них — 19 детей младше шести лет. Ещё около 680 человек получили ранения различной степени тяжести. И снова — город, в котором люди не понимают, что произошло.

Человека, который это сделал, задерживают в тот же день. Это тот самый парень, который стоял на холме в Уэйко. Тимоти Маквей. Позже он скажет, что его действия стали актом мести федеральному правительству за события в Уэйко и Руби-Ридж.

Спустя год журналист, освещавший трагедию, встречается с ним в тюрьме. Он ожидает увидеть чудовище. Фил Бахарач пишет:

«Он пожал мне руку и улыбнулся, пошутил, что оклахомское радио слишком много времени уделяет школьному баскетболу, вспомнил о зимах детства в северной части штата Нью-Йорк. Его жизнерадостность казалась искренней — он объяснил, что юристы и репортеры были практически единственным его способом общения, — но совершенно неуместной в сером конференц-зале федеральной тюрьмы Эль-Рено, штат Оклахома. И совершенно неуместной для человека, который убил 168 человек и ранил более сотни других.

Я прибыл к федеральному зданию через двадцать минут после взрыва. Я до сих пор вижу черный дым, который висел над горизонтом после взрыва, и целые кварталы в центре города, сверкающие битым стеклом. Я до сих пор слышу, как фельдшер рассказывал мне, как он раскладывал тела погибших детей рядами на том месте, где раньше была детская площадка при федеральном здании. Я помню, как дрожали руки мужчины, когда он рылся в своем бумажнике, чтобы показать мне фотографию своей погибшей дочери. Шли дни и недели, и я помню, как меня охватывали приступы рыданий.

Я освещал взрыв для еженедельной газеты Oklahoma Gazette из Оклахома-Сити, но впервые увидел исполнителя преступления так же, как и весь остальной мир: по телевизору, в наручниках и оранжевом тюремном комбинезоне, когда агенты ФБР выводили его из здания суда в сельской местности Оклахомы. Это был запоминающийся образ — короткая военная стрижка, прищуренные глаза и плотно сжатые губы, худое лицо, лишённое эмоций, — это был не тот Тим Маквей, которого я, как ни странно, узнал. И именно этот факт — что он не был мертв в глазах, не был

полным безумцем — беспокоит меня больше всего. Он не имел права быть нормальным, быть легкомысленным и приятным, подумал я. Он был обязан перед погибшими жителями Оклахома-Сити хотя бы показать свое злодеяние. В ноябре 1996 года я написал в Gazette о своем тюремном интервью с Маквеем. Через несколько дней после выхода номера я получил двухстраничное письмо, написанное от руки и вырванное из желтого блокнота для юридических документов. Тим Маквей хотел внести ясность в ситуацию.

26 ноября 1996 г.

Фил,

После прочтения вашей последней статьи у меня возникло искушение использовать её как отправную точку для опровержения некоторых из упомянутых вами «мифов». Однако в интересах краткости (и опасаясь гнева моих адвокатов) я ограничусь одним вопросом.

Я хвалю вас за отличную память и абсолютную объективность. (Теперь я понимаю, почему вы не можете устроиться на работу в The Washington Post.) Однако ваши замечания по одному пункту несколько неточны. Вы цитируете меня, утверждая, что я назвал ФБР «волшебниками пиара». На самом деле я сказал, что они волшебники пропаганды, которую Вебстер определяет как «информацию или идеи, методично распространяемые для продвижения или нанесения вреда какому-либо делу». Именно здесь я провел параллель между действиями ФБР в моем случае и действиями в Уэйко.

Идея заключается в том, что, получив контроль над распространением информации, ФБР сможет определить свою цель. В моем случае меня изолировали в федеральной тюрьме, лишив большинства свиданий и свободного общения.

В Уэйко, как только ФБР заблокировало возможность давидианцев общаться с внешним миром, Боб Рикс [сотрудник ФБР в Уэйко] смог выступить и подстроить факты под цели ФБР. Общество никогда не видела домашних видеозаписей давидианцев с их милыми младенцами, очаровательными детьми, любящими матерями или заботливыми отцами. Они также не видели фотографий обугленных останков детских тел. Поэтому им было все равно, когда эти семьи медленно и мучительно умирали от рук ФБР. Им было все равно, когда хвастливые агенты ФБР позировали перед камерами, пока жизни людей превращались в пустые слова.

В обеих ситуациях, как и в случае с Ричардом Джуэллом, вы слышите только одну сторону истории, и она, как правило, неправда. Если вам трудно поверить, что Министерство юстиции — искусные лжецы, — приходите на одно из моих досудебных слушаний, на сам судебный процесс или спросите Ричарда Джуэлла.

Людям необходимо подвергать сомнению и анализировать услышанное, а также размышлять о мотивах тех, кто распространяет пропаганду. Истина кроется глубже.

Спасибо за уделенное время, Тим.

Меня удивило, что события в Уэйко всё ещё так сильно тяготили его мысли, и то, что, с таким сочувствием относясь к детям Уэйко, он либо не заметил, либо отрицал для себя очевидную иронию. Я не знал, что делать с этим письмом» [63].

А ещё позже, в одном из интервью, Тимоти Маквея спрашивают о другой трагедии, за которую он мстил:

— Скажите, что именно в той перестрелке в Руби-Ридж вас беспокоит?

— «Я могу сказать — применение того, что сейчас, по сути, являются снайперами, в ситуации внутри страны, вне военного времени. Федеральные агенты берут на себя роль судьи, присяжных и палача. И, в довершение всего, эти люди... не несут ответственности. Они становятся фактически неподсудными закону» [64].

К тому моменту, когда он взорвал федеральное здание, мир Маквея уже распался.

Он говорил, что его опыт войны в Персидском заливе стал началом его превращения — из преданного солдата в отчуждённого критика своего правительства:

— В Персидском заливе вы участвовали в боевых действиях?

— Да.

— Вы стреляли по иракцам?

— Да.

— И убивали солдат?

— Да.

В каком-то смысле я видел в этом и правильное, и неправильное. Правильное — я думал, что это самооборона. Я выстрелил, потому что увидел вспышку выстрела и инстинктивно открыл огонь в том направлении. Но в то же время я думал: ведь я нахожусь в его стране. Какое право у меня было приезжать в его страну и убивать его? Что он вообще сделал против меня?

...Я поехал туда на подъёме, как и все остальные. Не только Саддам — зло, все иракцы — зло. Но то, с чем я там столкнулся, оказалось совершенно другой историей. И когда оказываешься с этими людьми лицом к лицу, в личном контакте, понимаешь: это просто люди, такие же, как ты» [65].

Этот парень был приговорен к смертной казни, которая состоялась 11 июня 2001 года.

Я подозреваю, что вы сейчас испытываете. С одной стороны — Тимоти Маквей преступник. Его действия привели к гибели людей. С другой — его слова звучат не как бред сумасшедшего. Именно это ломает привычную картину. Потому что если перед вами не безумец — значит, дело уже не только в нём. Речь о том, что формирует таких людей.

Казнить нельзя помиловать.

Где ставить запятую?

Не спешите с ответом.

Глава 9. Подчинение без приказа

9.1 За пределами видимого влияния

Когда мы сегодня слышим слова «манипуляция сознанием», они звучат почти буднично. Реклама манипулирует, политики манипулируют, телевидение манипулирует, социальные сети манипулируют. Слово затёрто до такой степени, что перестало пугать. А зря.

Потому что всё, с чем обычно сталкивается человек в повседневной жизни, — это только верхний слой. Что-то грубое, заметное, почти примитивное. Давление

на эмоции. Игра на страхах. Подмена акцентов. Навязчивый повтор. Но за этим внешним, давно привычным слоем скрывается куда более мрачная история. История о том, как ещё в начале XX века государственные структуры, военные ведомства и закрытые исследовательские группы пытались подойти к человеку с другой стороны — не убеждать его, не агитировать, не спорить с ним, а научиться обходить его критическое восприятие. Добраться туда, где рождается решение. Туда, где человек ещё не успел сказать себе: «Это я так думаю».

Сегодня многие любительски интересуются языком тела, микромимикой, гипнозом, влиянием слова, внушением, поведенческими триггерами. Всё это подаётся как любопытная психология, как инструмент для переговоров, маркетинга или личного роста. Но если отмотать время назад, станет не по себе. Потому что ещё сто лет назад в кабинетах, куда не допускали посторонних, изучали вещи куда серьёзнее. Не то, как расположить к себе собеседника. И не то, как правильно читать эмоции по глазам. Там искали способы подчинения воли. Искали методы дистанционного воздействия. Искали каналы, через которые можно было бы влиять на человека так, чтобы он считал навязанное своим собственным решением.

Сама власть всегда интересовалась одним и тем же: как заставить большие массы людей не просто подчиняться, а подчиняться так, чтобы они принимали это подчинение за норму, за истину, за личный выбор. Именно поэтому история скрытого воздействия начинается не с отдельных фанатиков и не с эксцентричных учёных. Она начинается там, где государство впервые понимает: контролировать тело недостаточно, нужно контролировать и сознание.

В Советском Союзе эта линия проявилась очень рано. Ещё в 1920-е годы, когда страна только выходила из гражданской войны, а новая власть строила мир на материализме, атеизме и отрицании всего сверхъестественного, внутри ВЧК* создаётся специальный отдел.

****ВЧК — ВЧК — ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ** по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР — специальный орган безопасности советского государства. Комиссия была создана 20 декабря 1917 года. Упразднена 6 февраля 1922 года с передачей полномочий ГПУ при НКВД РСФСР. От сокращения «ЧК» произошло слово «чекист». ВЧК, являясь ведомством по защите государственной безопасности РСФСР, руководящим органом борьбы с контрреволюцией на территории всей страны, а также одним из институтов «диктатуры пролетариата», была основным инструментом реализации красного террора — комплекса карательных мер, проводившихся большевиками в ходе Гражданской войны на территории бывшей Российской империи в отношении классовых врагов, в том числе против лиц, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности.*

По мнению англо-американского историка и писателя, специалиста по истории СССР Роберта Конквеста, всего по приговорам революционных трибуналов и внесудебных заседаний ЧК в 1917–1922 годах было расстреляно 140 тысяч человек.

Официально — для криптографии и шифрования. Неофициально — для изучения методов дистанционного воздействия на человеческое сознание. Сам по себе этот факт уже звучит тревожно. Государство, которое публично отвергает мистику, тратит силы и ресурсы на изучение того, что само же объявляет недопустимым или несуществующим.

Во главе этого отдела стоял Глеб Бокий*.

***ГЛЕБ ИВАНОВИЧ БОКИЙ**

(21 июня 1879 — 15 ноября 1937) — русский революционер, деятель советских органов государственной безопасности. Один из первых сотрудников ВЧК, председатель Петроградской ЧК в период начала «красного террора» и его организатор, комиссар государственной безопасности 3-го ранга (1935).

В 1921–1937 годах возглавлял спецотдел ВЧК — ОГПУ — НКВД, позже переименованный в 9-й отдел ГУГБ НКВД СССР — криптоаналитическое подразделение, занимавшееся защитой секретной информации.

Также Бокий был известен как куратор Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН). Биографы отмечали его склонность к мистике и оккультизму, усилившуюся после знакомства с писателем и мистиком Александром Барченко.

Вокруг него собирались не только люди из силовой системы, но и биофизики, психологи, этнографы, исследователи телепатии, оккультных практик и парапсихологических феноменов. Организовывались экспедиции на Кольский полуостров, Алтай, Кавказ, в другие регионы — не ради академического любопытства, а ради поиска древних знаний, артефактов и методов, которые могли бы открыть новые способы воздействия на человека.

Создавались лаборатории, исследовались восточные практики, шаманство, передача мыслей на расстоянии, феномены сознания, которые официальная наука объяснить не могла, но и отвергнуть уже не спешила. Всё это происходило в тот момент, когда страна лежала в руинах, когда у власти было множество куда более насущных задач. И всё же ресурсы находились именно на это. Зачем? Ответ напрашивается сам собой: **новая идеология должна была не просто победить, а захватить умы. Стать внутренней религией. Превратиться не в приказ сверху, а в убеждение снизу.**

Официально этот спецотдел впоследствии был ликвидирован. История его закрытия сопровождалась доносами, арестами, расстрелами. Внешне всё

выглядело так, будто опасная тема была погребена вместе с её участниками. Но именно здесь и появляется один из самых тревожных мотивов всей этой истории: слишком часто в подобных системах ликвидируют не само направление, а его видимую оболочку. Закрывают фасад. Переводят тему в зону табу. Показывают обществу, что этим больше никто не занимается. А затем работа продолжается в других кабинетах, под другими именами и под другим прикрытием. И когда сегодня архивы, связанные с деятельностью органов безопасности, по-прежнему закрыты на десятилетия вперёд, неизбежно возникает вопрос: что именно они там так тщательно оберегают? Если всё это было лишь странной исторической экзотикой, зачем скрывать результаты до сих пор?

Почти одновременно похожая линия развивалась и в нацистской Германии. Там она приняла особенно мрачную, почти концентрированную форму. В 1935 году, под руководством Генриха Гиммлера создаётся структура, которая на первый взгляд выбивается из логики военного времени — Аненербе.

Это не один институт. Это разветвлённая сеть исследовательских центров, где изучают практически всё — от естественных наук до областей, которые принято относить к границе науки и мистики. Геология, астрономия, история, антропология — и рядом с этим исследования ясновидения, телепатии, психофизики, изменённых состояний сознания.

В эту систему входят учёные своего времени. И круг их интересов выходит далеко за рамки привычного научного поиска. Они изучают явления, которые сегодня принято называть паранормальными. Пытаются понять, как работает восприятие, как можно воздействовать на сознание, как управлять вниманием, поведением, состоянием человека. Но этим дело не ограничивается. Параллельно идут разработки, которые уже напрямую касаются практики — новые типы оружия, способы влияния на большие группы людей.

Организуются экспедиции — в Тибет, в Скандинавию, в Карелию. Участники собирают легенды, исследуют древние тексты, ищут артефакты, которым приписывается особое значение. За всем этим стоит идея: если найти «ключи» к древнему знанию, можно получить доступ к механизмам, позволяющим влиять на реальность. Снаружи это выглядит как смесь науки и мистики. Но если посмотреть глубже, становится видно другое.

За интересом к ритуалам и символам скрывается вполне прагматичная задача — найти механизмы, которые помогут укрепить идеологию Третьего рейха и

подчинить ей сознание армии и населения. Формирование такой картины мира, в которой человек не просто соглашается, а внутренне принимает навязываемые ему установки. И в этом смысле Аненербе — это не про археологию. Это про психофизику. Про работу с сознанием. Про программирование восприятия людей. И здесь возникает вопрос, который сложно обойти.

Германия на пороге войны. Строит танки, самолёты, оружие, стремительно наращивает военную мощь и одновременно вкладывает колоссальные ресурсы в исследования, которые на первый взгляд не связаны с фронтом. Зачем?

Управление сознанием рассматривалось как ресурс не менее важный, чем военная техника. И если посмотреть на результат, становится понятно, что это не было ошибкой расчёта.

В преддверии Второй мировой происходит то, что иначе как идеологическим сдвигом назвать трудно. Общество, обладающее высоким уровнем образования и развитой культурой, начинает двигаться в одном направлении — синхронно, без внутреннего сопротивления. Люди готовы жертвовать собой. Готовы выполнять приказы. Готовы участвовать в действиях, от последствий которых мир не может оправиться до сих пор.

Но психофизические разработки — это только часть системы. Существенную роль играет и сотрудничество с антикультовыми структурами. Именно они дают инструменты для работы с инакомыслием — способы выявления, классификации и давления на тех, кто не вписывается в заданную модель. Показательный пример — Апологетический центр под руководством Вальтера Кюннета. Эта структура поставляет государственным органам — министерству внутренних дел, министерству пропаганды, гестапо — материалы о религиозных группах, их взглядах и активности. По сути, формируется система наблюдения и контроля.

Когда к этому добавляются разработки Аненербе, направленные на воздействие на психику, возникает опасное сочетание. С одной стороны — методы влияния на сознание. С другой — инструменты подавления инакомыслия. Вместе они образуют механизм, способный перестраивать общество на глубинном уровне. И последствия этого механизма известны. Массовое насилие. Уничтожение миллионов людей. Одна из самых тёмных страниц в истории человечества. При этом воздействие не ограничивается «глубинными» методами.

В Германии активно развивается телевидение, формируются принципы подачи информации, структура вещания. И если внимательно посмотреть на современные медиаформаты, можно заметить, что многие из этих подходов удивительно напоминают то, что закладывалось ещё тогда — в эпоху Геббельса.

После войны деятельность, связанная с «Аненербе», стала предметом расследований в рамках нюрнбергского комплекса процессов. Однако сама организация не была выделена в отдельную преступную организацию на Нюрнбергском процессе, но её деятельность рассматривалась в рамках процессов над СС и медицинскими преступлениями нацизма. Её генеральный секретарь Вольфрам Зиверс приговаривается к смертной казни и казнён 2 июня 1948 году.

Казалось бы, на этом история должна закончиться. Но она не заканчивается. Победившие страны — СССР и США — забирают всё, что представляет ценность: документы, разработки, специалистов. И речь идёт не только о технологиях в привычном смысле.

В 1945 году в США запускается секретная программа «Скрепка». В рамках этой операции немецких учёных, инженеров, исследователей перевозят в Америку. Многие из них напрямую связаны с нацистской системой. Их знания начинают работать уже в новом контексте. Один из самых известных примеров — Вернер фон Браун. Офицер СС, который впоследствии становится ключевой фигурой американской космической программы.

Советский Союз действует аналогично. Учёных вывозят, включают в научные институты. Такие специалисты, как Густав Герц и Манфред фон Арденне, начинают работать в сфере атомной энергетики и ядерных исследований.

Но есть ещё один пласт, о котором говорят гораздо реже. Это разработки, связанные с воздействием на психику. По данным ряда исследователей, часть архивов Аненербе была вывезена в СССР. Точный объём документов остаётся предметом дискуссий, а доступ к некоторым фондам до сих пор ограничен. И здесь возникают вопросы. Если это лишь историческое наследие — почему оно до сих пор засекречено? Что именно там находится? Неужели уровень этих разработок был настолько серьёзным, что даже спустя десятилетия их не готовы раскрыть?

Очевидно одно. После войны интерес к возможностям воздействия на психику трансформировался в самостоятельное направление, которое уже не было связано

с идеологией Аненербе, но унаследовало атмосферу закрытых лабораторий и государственных заказов.

Вы что-то слышали о гонке за информационно-психологическим превосходством? О ней не говорят в школьных учебниках. Её нет в привычном наборе исторических образов. Все знают о гонке вооружений, о ядерном противостоянии, о космической гонке. Но параллельно шла ещё одна борьба — за оружие, которое способно поражать не тело, а ум. За способы скрытого воздействия на массы. За технологии, которые могли бы подчинять человека, обходя его сознательную волю. В секретных докладах, лабораториях и закрытых программах телепатия, психотроника, псионика и смежные темы рассматривались не как фантастика, а как возможный путь к абсолютному доминированию.

Американская сторона в этой гонке особенно откровенно проявилась в 1950-е годы, когда была запущена масштабная программа MK-Ultra. Её проекты щедро финансировались, к ним подключались университеты, больницы, фармкомпании, тюрьмы, исследовательские центры. Изучали гипноз, психотропные вещества, методы кодирования человека, способы вмешательства в его поведение. И центральный нерв этой программы звучал предельно ясно: **можем ли мы контролировать человека до такой степени, что он будет выполнять все наши приказы против своей воли и даже против фундаментальных законов природы таких как самосохранение? Можем ли мы заставить человека совершить убийство против его воли?**

Задумайтесь: ради чего вообще разрабатывать подобные вещи? **С какой целью создавать людей, действующих как запрограммированные убийцы?**

Это не забота о психическом здоровье. Не наука ради понимания человека. Это поиск технологии управляемого преступления. Поиск способа сделать так, чтобы исполнитель считал действие своим, а источник команды оставался невидимым.

Если такие вопросы задавались всерьёз ещё в середине прошлого века, если на них тратились деньги, ресурсы, время и лучшие умы, то что произошло дальше? Неужели после десятилетий таких разработок всё остановилось на уровне грубых экспериментов? Или, наоборот, технологии шагнули далеко вперёд, а затем были тщательно спрятаны — так же, как прятали документы, лаборатории и целые направления исследований?

Тем более что в Советском Союзе интерес к этим вещам тоже не ослабевал. Напротив, со временем часть тем, прежде скрытых внутри спецслужб, начинает просачиваться в официальную науку. В 1960–1970-е годы парапсихологические феномены уже обсуждаются не только в закрытых кабинетах. Изучаются телекинез, телепатия, ясновидение, феноменальные способности людей. Создаются комиссии, выходят публикации, появляются статьи даже в авторитетных научных изданиях. При этом параллельно, в тени, продолжают разработки вроде «радиосна», который, по имеющимся данным, мог вводить человека в состояние искусственного сна.

Существует информация, что испытания подобных технологий проводились ещё в начале 70-х — в одной из военных частей на территории Новосибирской области.

В 1992 году в телепередаче «Чёрный ящик», вышедшей на Первом канале центрального телевидения, было озвучено содержание брошюры «Некоторые применения гипноза». Её автор — Иван Сергеевич Качалин, бывший военный и известный гипнотизёр — утверждал, что им (в соавторстве) была создана установка под названием «Радиосон», основанная на использовании СВЧ-генератора.

Он писал следующее: *«Мною сделано открытие, изобретение – способ вызывания искусственного сна на расстоянии с помощью радиоволн. Город Новосибирск, войсковая часть 71592. Практическую помощь в содействии и оформлении этого открытия оказывал генерал-полковник авиации Владимир Никитович Абрамов. Курировал работы дважды Герой Советского Союза, маршал авиации Савицкий Евгений Яковлевич»* [66].

Далее в передаче говорилось о том, что установка «Радиосон» проходила успешные испытания в воинских частях под Новосибирском. Отмечалось также, что её возможности якобы не ограничивались только усыплением. Утверждалось, что прибор способен вызывать и более серьёзные изменения в организме — вплоть до клеточных нарушений.

Согласно предварительным расчётам, при объединении подобных установок в систему, называемую «Радиогипноз», возникала возможность воздействовать на территорию площадью до 100 квадратных километров, находясь на расстоянии до 55 километров от источника сигнала.

При этом важно отметить: сама идея «радиосна» не возникла на пустом месте. Она опиралась на более ранние теоретические разработки. В частности — на концепцию так называемого «мозгового радио», предложенную Бернардом Кажинским ещё в 1920-е годы.

Суть этой теории заключалась в предположении, что человеческий мозг способен функционировать как приёмник и передатчик сигналов, а мысли и образы могут передаваться на расстоянии посредством электромагнитных волн. Вы точно уловили суть? 1920-е!!!

И если рассматривать «Радиосон» в этом контексте, становится очевидно: речь шла не о внезапном прорыве, а о продолжении линии исследований, начатой задолго до этого.

Проводились реальные эксперименты, создавались установки, способные воздействовать на людей на расстоянии. Но, разумеется, подобные вещи не выносились на широкое обсуждение. О них либо молчали, либо говорили крайне дозированно. И если вернуться к периоду Холодной войны, становится очевидно: это была не только гонка вооружений, но и борьба за контроль над сознанием.

Кто в ней лидировал? У кого было преимущество — у Советского Союза или у США? Американские спецслужбы внимательно следили за тем, что происходило в СССР. В Вашингтоне всерьёз опасались, что Советский Союз может выйти на новый уровень так называемой «псивойны» — завершить исследования в области экстрасенсорики, раскрыть механизмы дистанционного воздействия на мозг и создать полноценное психотронное оружие.

В докладе Исследовательской службы Конгресса США за июнь 1983 года прямо указывалось:

It is also speculated that the Soviet
Government is firmly committed to the funding of
psi research and that much of this funding,
variously speculated to amount to tens of
millions of dollars, is directed toward military
research (17:CRS-14)

«Предполагается, что советское правительство твёрдо привержено финансированию исследований в области “пси”, и значительная часть этих

средств — по оценкам, достигающая десятков миллионов долларов — направляется на военные разработки» [67].

Параллельно в американской прессе начинают появляться публикации о том, что в СССР уже существует психотронное оружие. Эта идея постепенно закрепляется в общественном сознании. Возникает ощущение, будто Штаты признают, что отстают в этом направлении.

Но затем наступают 90-е. Советский Союз распадается. Система рушится, вместе с ней ослабевает и контроль над информацией. И именно в этот момент тема психотронного оружия выходит наружу — уже внутри самого постсоветского пространства.

Появляются слухи о том, что подобные разработки находились в распоряжении КГБ и якобы применялись против собственного населения. Средства массовой информации подхватывают эту тему: статьи, книги, телепередачи, документальные фильмы. Возникают даже общественные движения, заявляющие о борьбе с «психотронным воздействием».

Версий становится всё больше. Одни утверждают, что это новый инструмент политики. Другие — что такие технологии уже используются в криминальной среде.

В 1991 году по стране активно распространяются слухи, что во время августовских событий у организаторов путча якобы имелось псиоружие, а у спецподразделения «Альфа» — устройства для подавления состояния людей.

Эти разговоры не возникли на пустом месте. Появляется информация, что генерал-полковник Константин Кобец, участвовавший в тех событиях, допускал возможность применения психотронных генераторов при защите Белого дома.

Позже эти заявления начинают опровергать, объяснять оговорками, но сам факт уже выходит за пределы узкого круга и становится достоянием общественности.

Уже в начале 1992 года появляется обращение с требованием запретить использование психотронных генераторов как оружия. Под ним стоят подписи ведущих учёных.

В тексте прямо говорится: *«Психотронное оружие может быть более опаснее, чем атомная бомба, химическое и бактериологическое оружие так как*

теоретически оно в состоянии подавить волю человека и навязать ему волю злоумышленников».

Учёные требуют остановить исследования в этой области и проверить, существует ли подобное оружие в структурах армии, КГБ и МВД. На этом фоне в обществе начинает расти тревога.

Появляются обращения от людей, которые утверждают, что подвергаются какому-то воздействию. Они описывают страх, дискомфорт, галлюцинации, связывают своё состояние с влиянием низкочастотных волн. Некоторые прямо говорят о том, что чувствуют себя участниками экспериментов.

К 1994 году ситуация становится настолько напряжённой, что заместителю директора Федеральной службы контрразведки Андрею Быкову приходится выступить с официальным заявлением:

«В России психотронного оружия не существует и едва ли оно появится в обозримом будущем. Ни одно из известных исследований не дало ни научных, ни прикладных результатов, а психотронное оружие лишь часть сложной социально-психологической проблемы, связанной с бурным ростом интереса широких слоёв населения к парапсихологии, оккультизму и мистицизму» [68].

А что ещё он мог сказать?

Признать, что подобные разработки велись? Или заявить, что новое руководство не в курсе, чем занимались закрытые подразделения в прошлом?

Архивы даже более ранних периодов до сих пор остаются закрытыми. И ожидать, что подобные вещи будут раскрыты публично, по меньшей мере наивно.

Тем не менее официальные заявления не сняли общественную тревогу.

10 сентября 1997 года в Москве проходит демонстрация. Люди выходят на улицы с требованием прекратить воздействие психотронного оружия.

И здесь возникает важный момент. Почему официальные опровержения не сработали? Это была массовая истерия? Информационный вброс? Или в условиях утечки секретных данных начала проявляться часть реальности, о которой раньше не говорили?

Последние десятилетия наблюдается еще более интересная картина. Происходит процесс дискредитации подобных направлений — парапсихологии, дистанционного воздействия, психотронных технологий, что выглядит очень

странно и даже забавно. Просто потому, что еще в 1973-м году ученые признали существование парапсихологических феноменов и результаты своих исследований опубликовали в журнале Академии Наук СССР «Вопросы философии».

Чувствуется знакомая логика: когда тема слишком опасна, её не просто скрывают. Вешают ярлык «псевдонаука». Переводят в разряд нелепости, чтобы любой, кто заговорит о ней всерьёз, заранее выглядел смешным. Но если вдуматься, это тоже часть контроля. Ведь как только человек понимает, что им управляют, управление заканчивается.

Но вернемся к псиоружию.

Именно на фоне всей этой тяжёлой, накопленной истории — слухов, утечек, заявлений и попыток всё это опровергнуть — начинает вырисовываться фигура, которая словно собирает воедино сразу несколько линий прошлого.

Не просто учёный. Не просто изобретатель. Не просто специалист по психике.

А человек, выросший на пересечении гипнотической традиции, советской репрессивной системы и закрытых разработок воздействия на сознание.

Это Игорь Смирнов*.

***ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ СМИРНОВ** (5 АПРЕЛЯ 1951 — 5 НОЯБРЯ 2004) — врач, доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН и Академии энергоинформационных наук, основоположник компьютерных психотехнологий. Основатель науки психоэкологии. В начале 80-х годов И. В. Смирнова за рубежом окрестили «отцом психотронного оружия». Окончил Первый Московский медицинский институт им. И. М. Сеченова. В возрасте 28 лет уже возглавлял лабораторию психокоррекции. Первым в научном мире предложил использовать в качестве психотехнологической платформы компьютеры. Ноу-хау Смирнова — оригинальный синтез психоанализа и компьютерных технологий.

Разработал аппаратно-программный комплекс исследования психики человека *MindReader 2.0* (сокр. назв.: АПК КПСА *MindReader 2.0*), в основе которого лежат методы компьютерного психосемантического анализа и психокоррекции, основанные на современных представлениях об организации и особенностях функционирования неосознаваемых сфер психики. Психосемантический анализ — выявление скрываемой и скрытой в подсознании информации, являющейся истинной мотивацией поступков, намерений и причиной многих болезней и проблем. Психокоррекция — немедикаментозная оптимизация психического и физического состояния человека.

На бумаге его биография может звучать почти респектабельно: доктор медицинских наук, профессор, исследователь человеческого поведения, автор концепции «психоэкологии», специалист по психокоррекции. Всё это звучит серьёзно и даже благородно. Можно подумать, что перед нами человек науки, который просто искал новые способы помогать людям. Но в таких историях почти всегда полезно сделать шаг назад и посмотреть не только на витрину, но и на корни.

Потому что Смирнов был не таким простым человеком, каким хотел казаться.

Его дед по материнской линии, Смирнов-Орнальдо, был известным гипнотизёром. Классические техники гипноза освоил в Индии, уже имея за плечами медицинское образование, полученное в Петербургском университете. До конца 1920-х годов активно гастролировал, проводя сеансы ментальной магии и коллективного внушения.

Существует версия, что именно его выступления могли повлиять на создание знаменитой сцены с Воландом в варьете у Булгакова. О том, что произошло с ним после 1930-х, сведения расходятся: одни источники говорят о его переходе к медицинскому гипнозу, другие — о возможном взаимодействии с органами НКВД.

Его отец — Виктор Абакумов — фигура куда более тяжёлая. Руководитель военной контрразведки СМЕРШ — одной из самых известных и в то же время закрытых спецслужб военного времени, министр государственной безопасности СССР при Сталине.

Один из руководителей репрессивной системы. Человек, связанный не просто с аппаратом подавления, а с реальными судьбами тысяч людей. Именно с его именем связывается операция «Север» — массовое переселение сторонников Свидетелей Иеговы и представителей других религиозных объединений вместе с их семьями в Сибирь. В 1954 году был осуждён за измену Родине и расстрелян.

9.2 Слишком точно, чтобы быть случайным

На этом фоне Игорь Смирнов уже не выглядит просто учёным-одиночкой, который вдруг заинтересовался тайнами психики. Он вырастает из среды, где человеческое сознание давно воспринималось не как неприкосновенная внутренняя территория, а как объект воздействия, внушения, подавления и управления. И когда он начинает говорить о «психоэкологии», «психокоррекции» и новых способах работы с подсознанием, к его словам уже нельзя относиться наивно:

«Это весь арсенал психотерапии, то есть внушение, разъяснение, научение, просто форма подачи теперь появилась новая – техногенная. Можно уже не отключать сознание, как например, в гипнозе, когда критика сознания резко снижалась, удавалось более эффективно что-то внушить человеку, а обойти его

с помощью технических средств. Например, это диспаратное видео, когда скрытый фрейм, кадр некоего изображения с призывом, скажем, покупать микояновскую колбасу, размазывается во времени и пространстве по всему видеосюжету или, например, это акустические средства, когда производятся спектральные инверсии речи. В этом случае **субъективно она воспринимается как шум, но при повторных предъявлениях всё равно мозг эту информацию декодирует как речь. Так реализуется внушение» [69].**

Ещё будучи студентом, он начинает заниматься тем, что на первый взгляд звучит почти фантастически — разработкой психотехнологий, которые позволяют не просто наблюдать за человеком, а вмешиваться в его состояние. Диагностировать. Корректировать. Влиять. Но ключ здесь — в другом. Чтобы это стало возможным, нужно было получить доступ туда, куда раньше добраться было почти невозможно — к подсознанию.

До этого момента такие попытки предпринимались. Но всегда через крайние состояния: гипноз, медикаменты, искусственно изменённое сознание. Человек понимал — с ним что-то делают. Он был в этом процессе. Смирнов делает шаг в сторону, который всё меняет.

Он начинает работать через технологии. Через вычисления. Через алгоритмы. И делает это настолько тонко, что вмешательство перестаёт ощущаться.

Человек ничего не замечает. Наблюдатель ничего не видит. Но воздействие — есть. И вот здесь важно остановиться. Потому что именно в этот момент влияние перестаёт выглядеть как давление извне — и начинает восприниматься как собственное состояние, собственные мысли, собственные решения. Я не просто так заостряю на этом внимание. Это не деталь. Это ключ.

Его исследования не остаются в тени. В конце 1970-х годов Игорь Смирнов **возглавляет лабораторию психокоррекции в Первом московском медицинском институте имени Сеченова.**

В 1979-м — он вместе с коллегами получает патент от Государственного комитета по науке и технике. И речь уже идёт не просто о гипотезах. По их заявлениям, им удаётся зафиксировать то, что до этого считалось невозможным — передачу информации между живыми существами без участия привычных

каналов. Без звука. Без зрительного контакта. Без расстояния как ограничения. Сам он говорит об этом так:

«Открытие называлось свойство высших организмов к дистантным взаимодействиям. Название совершенно секретное. Вот сейчас разглашаю государственную тайну. То есть во всем мире этому придаётся значение, конечно, колоссальное. Мало того, что мы, наверное, одними из первых, но это дальнейшая история покажет, установили реалию взаимодействия между живыми системами не только через наш с вами язык и смотрение друг на друга и жестикуляцию и так далее, а прямую, если угодно телепатическую связь, научились её измерять фактически. Я наверно впервые вот так в слух, да еще перед камерой осмеливаюсь говорить. Мне всегда было стыдно. Ну как же я врач, материалист и вдруг значит какие-то там каббалистические божественные явления описываю. Ну наверно пришла пора. Мне терять уже собственно нечего, можно раскрыть карты» [70].

К концу 80-х это уже не просто научная работа. Это направление получает поддержку на самом верху — ЦК КПСС, Совет Министров, военно-промышленная комиссия, Минздрав.

На стыке разных дисциплин формируется новая область — психоэкология. Психиатрия. Психология. Нейрофизиология. Математика. Физика. Информатика.

И всё это соединяется в одну задачу — понять, как работает человек изнутри. И как на это можно воздействовать. Результат — десятки патентов.

И конкретные разработки, названия которых сами по себе звучат как ответы:

— «Чтец мыслей»

— «Скрытый допрос»

— «Уши стен»

Эти системы, по заявленным данным, показывали эффективность выше, чем детектор лжи. Но если на секунду отойти от технической стороны и просто вслушаться в названия... Что это? Лечение? Помощь? Или всё-таки контроль? И когда ты видишь, какие структуры стоят за этими разработками, — вопрос отпадает сам собой. И не случайно за рубежом его называют: «отец психотронного оружия».

Вот как он сам это комментировал: *«Такие реплики бывают, что я мол психотронный папа и так далее. Но я всегда освещаю всё совершенно одинаково.*

*Ведь столовым ножом можно резать колбасу, а можно резать борова. В общем мои коллеги и я мы делаем оружие, конечно же, оружие **для борьбы с болезнями человека**. Я думаю, что злонамеренный ум мог бы это использовать и в других целях, в качестве оружия для поражения, подавления может быть. Технически это в принципе возможно» [71].*

Здесь важна каждая интонация. Сначала — попытка смягчить смысл. Потом — прямое признание: «мы делаем оружие». И лишь затем привычная оговорка про болезни. Но слово уже произнесено. Не терапия. Не просто метод помощи. Оружие.

Другая его фраза звучит ещё откровеннее: «*Несанкционированные воздействия хороши, когда **мы лечим больного**. Это действительно психотронное оружие. Мы его конечно изобрели. Я этого не скрываю для лечения проблем человека в основном болезненных проблем, но более ни для чего» [72].*

И здесь уже невозможно не остановиться. Что значит — несанкционированные воздействия? Это значит воздействие без согласия человека, без его осознанного разрешения, в обход его воли.

Само словосочетание уже снимает все красивые покровы с разговоров о помощи. Если можно без ведома человека вмешиваться в его психику, потому что кто-то решил, будто делает это во благо, значит главный порог уже пройден. Дальше остаётся только один вопрос: кто и ради чего воспользуется этим правом.

В основе его разработок лежали психозондирование и психокоррекция. Первая линия — это получение доступа к скрытой информации в подсознании человека, к его теневым зонам, склонностям, скрытым мотивам. Вторая — возможность вмешаться и скорректировать эти внутренние области. По сути, речь шла о двух сторонах одного и того же процесса: сначала вскрыть внутреннее, потом встроить туда нужное.

Активное психотронное оружие позволяло кодировать подсознание, вкладывать в мозг конкретные программы. И, что ещё важнее, человек, по словам самого Смирнова, не мог защититься от такого вторжения, потому что сознание не контролирует подсознание.

Вот здесь и начинает рушиться вся его витрина. На поверхности — профессор, академик, человек науки, который якобы лечит и помогает. А под этой оболочкой — разработчик технологии, суть которой состоит в том, чтобы пройти мимо сознательного контроля и внедриться в глубинные механизмы поведения. Это уже

не лечение в привычном смысле. Это претензия на власть над внутренним устройством человека.

Сам Смирнов сформулировал масштаб этой претензии предельно честно: *«Психотехнологии — это кульминация всего, чем до сих пор занималось человечество. Это гораздо серьезней, чем атомная бомба и космические полеты...Сейчас мы создали только “каменный топор”, хотя и им уже можно делать хирургическую операцию. Мы получили инструментальные способы доступа к подсознанию и коррекции его определенных сфер. А все остальное — уже частные приложения. На компьютерах можно порносайты рассматривать, деньги считать, в игры играть — но наивысшая кульминация применения компьютеров вообще — это психотехнологии!»* [73].

Это не язык врача, у которого в центре стоит пациент. Это язык человека, который осознаёт себя у входа в новую область власти. Он говорит не о помощи, а о коррекции. Не о свободе человека, а об инструментальных способах проникновения в то место, которое всегда считалось последним внутренним рубежом.

Особенно показательно и то, что Смирнов не был нейтральным технократом. В одном из своих интервью он говорит: *«Мы специализируемся на двух аспектах психозкологии. Первое направление: помощь жертвам сект, которых в России только официально зарегистрировано более 14 тысяч»* [73].

В другом интервью на вопрос журналиста как он относится к сектам, Смирнов ответил: *«Резко отрицательно отношусь. В России сектантство давным-давно существует. Сейчас, по официальным сведениям, свыше 8 000 юридических лиц, зарегистрированных в нашей стране, являются сектами или квазирелигиозными организациями. То есть, мы по-моему на первом месте в мире уже»* [74].

Он придерживался антикультовых взглядов и в своей книге «Психозкология» использовал именно ту лексику, которой пользовались борцы с «сектами». Смирнов описывал религиозные группы через антикультовую терминологию и разделял те же представления о «промыывании мозгов», которые на Западе продвигали Стив Хассен и Рик Росс.

И это, пожалуй, одна из самых резких внутренних трещин во всей этой истории. Человек обвиняет других в манипуляции сознанием и одновременно сам

занимается разработкой методов, предназначенных для программирования психики и поведения.

Ещё одна важная деталь: его разработки поддерживались не кружком энтузиастов. За ним стояли серьёзные структуры. Исследования Смирнова курировали и поддерживали институты и ведомства, связанные с государством и силовым контуром. Он сам открыто об этом говорил. Ниже — фрагмент одного из его интервью:

Ведуций: *Вы мне скажите какие-то силовые структуры, назовём их так, спецслужбы имели отношение к вашей работе?*

Смирнов: *Конечно.*

Ведуций: *Они курировали это дело? Понимали, что в принципе оружие в потенциале оружие супермассового поражения?*

Смирнов: *Без сомнения. У меня даже в штате постоянно работали офицеры из разных наших спецслужб, и более того у меня довольно серьёзные были контакты с спецслужбами Соединённых Штатов, разумеется, с участием наших сотрудников. Я думаю, что эти секреты Полишинеля смешно было бы утаивать, если бы работа такого ранга не сопровождалась соответствующим сопровождением ну наверное я просто мошенник там или сумасшедший или заблуждающийся. Сопровождалось. Да ещё каким» [75].*

Большая часть исследований Смирнова была посвящена дистанционному воздействию на сознание другого человека и программированию его психики и поведения. Более того, применение разработанного им психотронного оружия включало возможность воздействия на большие группы людей — например, для разжигания массовой агрессии в толпе или, наоборот, для подавления общественных беспорядков. То есть речь шла уже не просто об отдельном человеке. Не о терапии, не о клинике, не о частной практике. А о технологиях, способных масштабироваться на массы. На толпу. На общество. На ситуацию, в которой поведение группы можно было попытаться включить или выключить, как будто речь идёт о механизме.

Но самое тяжёлое начинается дальше. Потому что вся эта история не осталась внутри лабораторий.

В 1993 году, во время осады Маунт-Кармел в Уэйко, ФБР консультировалось с Игорем Смирновым — российским учёным, изобретателем оружия,

воздействующего на сознание. То есть в момент реального кризиса, где внутри находились живые люди, семьи, дети, американские федеральные структуры обращаются не к человеку, который предлагает прозрачную психологическую работу, а к тому, кто специализируется на обходе критического восприятия и внедрении команд в подсознание. Уже один этот факт говорит о том, как на самом деле воспринимались его технологии. К нему не идут за советом о том, как успокоить обстановку человеческим разговором. К нему идут за скрытым принуждением. Сам Смирнов описывал это так:

*«Ситуация была в Америке тогда очень напряженная. Я как раз был в момент кульминации там. И надо было собрать обращения от близких родственников этих сектантов по принципу, скажем, «папа выходи, мы тебя любим и так далее», **всё это изменить физически, то есть это спектрально модулированной была бы речь и через мощные акустические системы через телекоммуникации, включая телефоны, туда подавать, в дом, где засели сектанты.** Мы тогда подписали с ФБР соглашение на эту тему. Я попросил несколько дней на подготовку, из Москвы уже везли необходимые интерфейсы. Это был, по-моему, 93 год, но кто-то испугался и отдал решение о штурме. В результате полный крах. Эта операция, на сколько я знаю, считается самым крупным провалом ФБР» [76].*

Для Кореша предполагался отдельный вариант — специальное послание, имитирующее голос Бога, которое должно было склонить его к добровольной сдаче. И вот здесь реальность начинает опасно рифмоваться с планом. **Во время переговоров Кореш внезапно заявляет, что его Бог велел ему не выходить, а ждать.** Эта деталь была публично озвучена на пресс-конференции ФБР. Совпадение ли это? Или странный облом той самой схемы, которую предлагал Смирнов? Факт остаётся фактом: идея «голоса Бога» присутствовала в проекте воздействия, а затем почти зеркально всплыла в реальной динамике осады — только не как путь к сдаче, а как причина остаться внутри.

Отдельно стоит отметить, в одном из интервью 2003 года Смирнов рассказывает про диск «Омофор»: *«Это одна из любимых моих разработок. Мы до сих пор его делаем. “Омофор” содержит закодированную формулу внушения, записанную моим голосом и ориентированную на конкретного пациента. Однажды я в программе «Человек и закон» предложил приз тому, кто*

расшифрует эту формулу. Никто сделать этого не смог — физически это невозможно, это не инвертированный звук, а так называемая психомузыка. На диске записано 74 мин разной музыки, в которую вмонтирован мой голос с использованием всех трех наших алгоритмов кодирования. Музыкальное произведение полностью переписывается, причем один аккорд, одна нота в нем (чтобы не повредить композицию) заменяется на форманту моего голоса. Это очень тонкая работа. Фабула внушения сложно иерархизована, нарастает от начала к концу и в значительной степени ориентирована на ментальность русского человека.

Ни при каких условиях человек не может распознать, что именно ему внушается. Бывали редчайшие случаи угадывания, когда пациент приходил и говорил: “Доктор, я видел вас во сне, и вы говорили то-то и то-то”. Вот пример. В начало композиции вмонтированы два слова. Вы можете слушать записи сколько угодно и никогда ничего не узнаете. Но когда я эти слова произнесу, то через промежуток от нескольких секунд до пяти минут в ходе прослушивания вы эти два слова (**“внутренний голос”**) **распознаете и далее всегда будете в данном месте слышать мой голос** (PC Week/RE: подтверждаем — в первый раз слышно только бульканье, а потом - явственно слова “внутренний голос”)» [77].

А теперь вернемся к событиям в Уэйко. Когда агентов интересовало, что будет, если такие сигналы работают не так, как задумано, ответ Смирнова был не просто тревожным, а чудовищным: последователи Кореша могут перерезать глотки друг другу, совершая акты насилия. Эта фраза важна не только сама по себе. Она показывает, что даже **разработчик прекрасно понимал природу своего инструмента.** Это был не «мягкий психологический метод». Не безобидная форма воздействия. Не современная разновидность терапии. Это был инструмент, способный привести к непредсказуемой и смертоносной дестабилизации.

А теперь нужно вспомнить ещё одну техническую деталь. **Смирнов работал с методами, при которых скрытые команды записывались на плёнку, технически обрабатывались и маскировались так, чтобы их присутствие было неочевидно для сознания. Для неподготовленного слуха такие записи могли звучать как шум или как визг животных.** И вот в Уэйко ФБР использует через громкоговорители именно то, что потом десятилетиями вспоминают очевидцы: громкую музыку, истошные визги, звуки

забоя животных. Если учитывать, чем занимался ученый, это уже не выглядит как простое лишение сна — скорее, как передача скрытой команды.

И здесь возникают вопросы: **кто именно был целью этого воздействия?** Только ли люди внутри здания? Или все, кто находился в зоне действия этих звуков? Ведь их слышали не только осаждённые. Их слышали сотрудники правоохранительных органов. Их слышали переговорщики. Их слышали люди поблизости. И среди тех, кто оказался рядом с этой трагедией, был Тимоти Маквей — человек, который позже взорвёт федеральное здание в Оклахома-Сити, заявляя, что мстит за Уэйко. Мог ли он слышать эти звуки, разносящиеся по округе? Вероятность, очень высока. И если так, то мог ли он стать одной из мишеней того же поля воздействия — не единственной, но одной из?

На этот вопрос нельзя отвечать прямолинейно. Но и обходить его нельзя. Потому что Маквей — не фигура без внутреннего содержания. Судя по его собственным словам, это не человек, лишённый способности к рефлексии. В Персидском заливе он видел боевые действия, убивал, а потом задавался вопросом: какое право он вообще имел прийти в чужую страну и убить человека, который лично ему ничего не сделал? Он говорил, что, когда встретился с иракцами лицом к лицу, понял: это такие же люди, как и он. То есть в нём сохранялась способность видеть в другом — человека. И именно поэтому его дальнейший поворот так трудно списать только на политическую злость. Между возмущением государством и решением убить граждан лежит пропасть. Чтобы человек её перешёл и при этом не испытал раскаяния, должно произойти что-то большее, чем просто радикализация взглядов.

И тут снова приходится возвращаться к тому, о чём говорилось раньше: такие программы не обязательно складываются в человеке мгновенно. Они могут собираться слоями. Навыки обращения с оружием. Возмущение несправедливостью государства. Присутствие рядом с Уэйко. Звуковое воздействие. Дальнейшая волна медийных сообщений, которая не прекращалась и после трагедии. Повтор, эмоциональные акценты, внедрение образов, нарастание внутреннего сценария. Если пазловое кодирование действительно работает как многослойная сборка, то Маквей выглядит уже не как «внезапно сорвавшийся одиночка», а как человек, внутри которого в течение двух лет постепенно складывалась программа. И в какой-то момент она просто замкнулась, пазл сложился.

Именно в этом месте история перестаёт быть только американской. Потому что затем, спустя время, похожая ситуация повторяется в России.

Осенью 2002 года в Москве происходит захват театрального центра на Дубровке. В зале — более девятисот человек. Это не абстрактная цифра, это живые люди: зрители, актёры, персонал. Люди, которые пришли на спектакль и в одно мгновение оказались внутри ситуации, полностью лишённой привычной логики и контроля.

Начинаются переговоры. И здесь важно остановиться, и не проскочить этот момент, потому что именно он многое определяет дальше. Переговоры не были формальностью. Это не была ситуация, где всё сразу зашло в тупик. Были контакты, были обсуждения, были попытки найти решение. Более того, людей отпускали.

И именно в этот момент в ситуацию включается Игорь Смирнов. Не как сторонний эксперт, который комментирует события задним числом. А как человек, к которому обращаются в процессе. А теперь обратите внимание на его собственные слова:

— Вот когда был теракт в Дубровниках здесь у нас сидели соответствующие люди и мне пришлось по телефону очень быстро давать свои мнения и высказывать решение, но опять-таки было принято решение о штурме с применением химических веществ.

— А почему они не использовали ваш метод?

— Не знаю, возможно, потому что он многим кажется эфемерным.

— Вы уверены в своем методе, что он мог там сработать или нет?

В этом, конечно, уверен, что он мог там сработать, но никогда нельзя быть уверенным в результате как он там работает. Дестабилизировать ситуацию таким путем можно, но никогда неясно в какую сторону, можно потенцировать, например массовое самоубийство [78].

Если внимательно вслушаться в эти слова, становится ясно, что речь идёт не о «советах», а о предложении конкретного подхода. Смирнов говорит о воздействии на психику, о дестабилизации состояния, о вмешательстве, которое может изменить поведение людей. И при этом он же честно признаёт: результат таких действий невозможно точно предсказать. Можно запустить процесс — но нельзя гарантировать, куда он приведёт.

И всё же к нему обращаются.

Важно назвать вещи своими именами: речь идёт о решении, которое принимают силовые структуры, в частности ФСБ, координировавшие операцию. Именно они, получив его предложения, принимают решение отказаться от них и идти по другому сценарию.

На уровне формулировки всё выглядит ясно: от услуг Смирнова отказались. Но дальше мы сталкиваемся не с формулировкой, а с реальностью. Переговоры, которые ещё недавно шли, прерываются. Причём не в момент окончательного провала, а в процессе. В тот момент, когда, судя по имеющимся данным, ещё сохранялась возможность диалога, вдруг принимается решение о штурме.

Само по себе это уже вызывает вопрос. Потому что логика переговорного процесса — это всегда время, постепенность, попытка снизить напряжение. Штурм — это противоположная логика. Это резкий обрыв.

Но ещё более тяжёлым становится следующий шаг. Перед началом операции в здание подаётся газ. Состав газа не раскрывается. Не только обществу, даже врачам и следственным органам, что зафиксировано официально, в том числе в решениях Европейского суда по правам человека.

Это означает, что в момент, когда людей начали выносить из здания, медики действовали практически вслепую. Они не знали, какое вещество применено, как оно влияет на организм, какие препараты нужно использовать, как стабилизировать состояние пострадавших. Людей выносили из зала, укладывали прямо на улице, пытались привести в сознание — но без понимания, что именно происходит внутри их организма.

По официальным данным, в результате трагедии погибли 130 человек, из них 10 детей. И значительная часть этих людей погибла уже после начала операции. Не от действий террористов. А после того, как был применён газ и началась эвакуация. И до сих пор нет однозначного ответа, что именно стало причиной этих смертей. Было ли это само вещество? Его дозировка? Отсутствие информации о нём? Ошибки в оказании помощи? Или совокупность всех этих факторов? Более того, последствия не закончились в тот день.

Спустя годы люди, пережившие эти события, продолжают сталкиваться с проблемами со здоровьем. Нарушения памяти, ухудшение зрения, хронические головные боли, сбои в работе нервной системы. И ключевая проблема остаётся той

же: врачи не могут выстроить полноценную систему лечения, потому что до сих пор не знают, какое именно вещество было применено и как оно воздействовало на организм. То есть последствия есть — а понимания их природы нет.

И на этом фоне возникает ещё один факт, который невозможно обойти. **Ни одного из террористов не оставили в живых.** А значит — не остаётся ни одного человека, который мог бы рассказать, что происходило внутри здания в последние часы, какие решения обсуждались. Как тогда понять причины теракта? Как разобраться в самом механизме, чтобы не допустить подобного? Если проблема была именно в этих людях, то их нужно было изучить. Но этого не происходит.

Поведение всех служб, вовлечённых в операцию — от медиков до переговорщиков — вызывает серьёзные вопросы. Их действия не складываются в единую линию: рассинхрон, отсутствие ясной логики.

Вся картина начинает складываться в замкнутую цепь. Есть захват. Есть переговоры, которые шли. Есть обращение к специалисту по воздействию на психику. Есть официальный отказ от его методов. Есть решение о штурме. Есть применение неизвестного газа. Есть гибель людей, в том числе после операции. И есть полное отсутствие живых участников с противоположной стороны. И если сопоставить это с Уэйко, где повторяется та же схема — обращение к Смирнову, отказ от его предложений, сбой в действиях служб и трагический результат, — появляется ряд неудобных вопросов.

В двух конкурирующих государствах — США и России — в критические моменты рядом оказывается один и тот же человек: антикультист, разработчик методов воздействия на подсознание, связанный со спецслужбами и имеющий за плечами репрессивную семейную историю. Две разные системы, которые не доверяют друг другу обращаются к одному и тому же специалисту. Зачем? Чтобы воспользоваться его методами? Или чтобы от них отказаться? И если отказываются — почему вообще к нему приходят? Эти вопросы остаются висеть в воздухе, как и другие.

Над кем на самом деле проводились эксперименты? Над теми, кто находился внутри зданий? Или над теми, кто принимал решения снаружи? Потому что поведение силовых структур в обоих случаях местами выглядит как механизм, который внезапно дал сбой: резкие решения, отсутствие согласованности, действия, последствия которых оказываются разрушительными и затем — шок, когда становится понятно, к чему это привело. В Уэйко место трагедии фактически

стирается с лица земли. В Москве — долгое молчание вокруг деталей операции, включая состав газа. До сих пор значительная часть информации об операции «Норд-Ост» остаётся засекреченной. Нет ни одного официального документа, в котором был бы указан полный состав штаба или хотя бы перечислены те, кто принимал решения и координировал действия.

И если соединить все эти линии вместе, возникает мысль, от которой трудно отмахнуться. Что, если воздействие происходило не там, где его искали? Что, если ключевые решения принимались уже внутри заданного сценария? И тогда главный вопрос звучит иначе. Не «почему это произошло». А кому это выгодно?

Осада в Уэйко, взрыв в Оклахома-Сити, стрельба в Колумбайне, теракт на Дубровке. Теперь это уже не выглядит как набор отдельных трагедий. Они выстраиваются в одну линию. Совпадений слишком много, чтобы считать их случайностью. Повторяется не только ход событий — повторяется сама логика, по которой всё запускается и развивается. И за этой повторяемостью проступает источник. Точка, где такие сценарии собираются и откуда затем реализуются — уже чужими руками.

И по сей день те, кто стоял за гибелью общины «Ветвь Давидова», не считают это трагедией. Для них это сработавшая схема. Пример того, как далеко могут зайти последствия — если всё разыграно точно по нотам.

Может показаться, что антикультовые организации и их представители действуют разрозненно. Но если смотреть на это внимательнее, становится ясно: речь идёт о выстроенной системе, где действия согласованы и подчинены общей логике.

Ключевой центр этой системы находится в России — именно там формируются подходы и сценарии, которые затем распространяются дальше. Дальше в работу включается уже другой уровень — те, кто задаёт стратегию и расставляет фигуры. Антикультисты в этой конструкции становятся инструментом: их выводят на нужные позиции и запускают процессы, последствия которых выходят далеко за рамки отдельных кампаний.

Через медиа распространяются сообщения, построенные на страхе и искажении фактов — они подталкивают общество к агрессии и формируют готовность к жёстким действиям. Параллельно оказывается давление на чиновников и силовые структуры, побуждая их действовать вне правовых рамок, а

политические решения принимаются в логике, которая в итоге приводит к тяжёлым и необратимым последствиям.

Представители антикультовых организаций в разных странах уже давно действуют не в вакууме. Их влияние постепенно проникает в судебную систему, в правоохранительные органы, в политическую среду и административные структуры, в средства массовой информации. С единственной целью – разрушение демократии в мире.

Когда-то те, кто формировал идеологическую основу антикультового движения, довели идеи национал-социализма до крайней формы — жёсткой, расистской и тоталитарной, которую сегодня мы знаем как нацизм. Тогда им удалось не просто развить эти установки, но и закрепить их на уровне государственной власти.

В результате методы и подходы, которые складывались задолго до этого, были возведены в ранг официальной идеологии нацистской Германии. Один раз этот механизм уже был реализован. И сегодня антикультисты, вместе с теми, кто стоит за ними, стремятся воспроизвести тот же сценарий.

За многими провокациями, которые вы видите и задаётесь вопросом, почему они происходят, стоят не случайные процессы. За ними прослеживается влияние антикультовых структур и более широкая система, в рамках которой они действуют, последовательно продвигая свою повестку.

Последствия этого влияния выходят далеко за пределы отдельных событий. Они отражаются на уровне государств, усиливают конфликты, ведут мир к ядерной войне, ставят под удар принципы свободы слова и базовые права человека. И всё это имеет под собой конкретные факты и примеры.

Оглянитесь на то, о чём вы уже узнали. **Это лишь часть картины.** За пределами внимания остаётся гораздо больше — истории разрушенных семей, сломанных судеб, решений, которые обернулись смертью для огромного числа мирных граждан. Всё это — результат работы лишь одного звена в масштабной сети антикультовых структур. Но именно это звено оказалось самым активным и продвинутым. В него входят люди, которым удалось серьёзно повлиять на демократические нормы и решения, оставив после себя тяжёлые последствия для множества людей. И, нужно признать, своих целей они во многом достигли.

Через последовательные информационные атаки антикультисты шаг за шагом воздействовали на общественное сознание. Это воздействие оказалось настолько глубоким, что сегодня многим приходится прилагать серьёзные усилия, чтобы пересмотреть убеждения, которые долгое время воспринимались как собственные. При этом значительная часть этих установок была внедрена извне. Со временем они настолько укоренились, что для многих граница между своими мыслями и навязанными идеями практически исчезла.

Важно понимать: где бы ни действовали антикультисты, среди них нет тех, кого можно назвать патриотами. Для них не имеет значения ни судьба людей на другом континенте, ни жизнь в соседней стране, ни благополучие собственных граждан. Их цель — полный контроль. И единая система власти. К этому они идут не напрямую, а через тайнодействие и страх. Потому что человек, который боится, становится управляемым.

Достаточно нескольких показательных событий — разыгранных нашими же руками, но по чужому сценарию — и общество начинает разрушаться изнутри. Людей сталкивают друг с другом, подталкивая к агрессии, к кровопролитию, ведут к войнам. Искажается сама реальность. Подменяется правда. Перекраивается картина мира. Становится страшно жить.

Что же делать, скажете вы?

Плыть по течению, надеясь, что пронесёт? Убеждать себя, что беда обойдёт стороной, что в наши двери не постучат события, запущенные чужой волей?

Такой себе вариант.

Есть высказывание Мартина Нимёллера:

«Сначала они пришли за социалистами, и я молчал — потому что я не был социалистом.

Затем они пришли за членами профсоюза, и я молчал — потому что я не был членом профсоюза.

Затем они пришли за евреями, и я молчал — потому что я не был евреем.

Затем они пришли за мной — и не осталось никого, чтобы говорить за меня» [79].

Я не хочу жить в таком мире. Потому что это не предупреждение. Это реальность.

Уже пришли за моим родным братом. Уже пришли за моим одноклассником — тем самым, с кем мы когда-то сидели за одной партой. Его больше нет в живых.

Мои близкие друзья были вынуждены в спешке покинуть дом — с несколькими чемоданами и четырьмя маленькими детьми на руках.

Мог ли я когда-то представить, что коллеги начнут ломать мою жизнь, навешивая ярлык «сектанта» — слово, подхваченное ими из медийного шума?

Если бы 5 лет назад нам всем сказали, что нас ждет, мы бы покрутили у виска и сказали, что такое невозможно. Этого не может быть.

Но это бывает. И происходит не сразу. Не в один день твоя жизнь превращается в ад. Не в один момент отнимают всё. Не сразу звучат выстрелы. Сначала появляется слово. И это слово — в руках тех, кто возомнил себя вправе решать судьбы других.

Я каждый день вижу новости о войнах — в одной стране, в другой. Государства словно соревнуются: кто сильнее, кто страшнее, кто убедительнее в демонстрации силы. Кто больше разрушит. Кто больше заберёт жизней — руками собственных граждан. К чему это ведёт? К попытке установить новый мировой порядок — глобальный, тотальный... Стремятся построить Четвёртый Рейх.

Не возникает ли у вас ощущение, что антикультистам не место на свободе? Эти люди — да и людьми их назвать трудно — слишком многое сделали, чтобы просто раствориться в тени. Их истории не должны заканчиваться тишиной. Они требуют разбора — открытого, точного, с именами и фактами. Так, как это уже однажды делал мир на Нюрнбергском процессе. Только до этого ещё нужно дойти. Дойти до момента, когда будут видны не роли и не аккуратно выстроенные образы, а реальные лица. Когда станет понятно, кто именно стоял за словами, которые запускали цепную реакцию. Ведь они почти никогда не действуют напрямую. Не антикультисты врываются в дома. Не они нажимают на курок. Их работа — тоньше, ювелирная. Они задают формулировки. Подталкивают, направляют, оформляют нужную картину — и отходят в сторону. А дальше всё происходит как будто само. Кто-то стреляет. Кто-то разрушает. Кто-то становится исполнителем. И вот тогда возникает вопрос: кто на самом деле совершает действие? Только лишь тот, кто держит оружие — или тот, кто направил руку?

И в данной истории появляется ещё один фактор, без которого всё это невозможно. Мартин Лютер Кинг-младший однажды сказал: *«Главная трагедия*

закljučается не в угнетении и жестокости со стороны плохих людей, а в молчании об этом со стороны хороших людей».

Запомните это.

Источники

1. World Health Organization. (2024, August 7). The top 10 causes of death. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death>
2. World Health Organization. Cardiovascular diseases. <https://www.who.int/health-topics/cardiovascular-diseases>
3. World Health Organization. (2025, February 3). Cancer. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/cancer>
4. Centers for Disease Control and Prevention. Heart disease & stroke. <https://www.cdc.gov/environmental-health-tracking/php/data-research/heart-disease-stroke.html>
5. World Health Organization Regional Office for Europe. (2024, July 17). Cardiovascular diseases. <https://www.who.int/europe/news-room/fact-sheets/item/cardiovascular-diseases>
6. Kaneva, M., & Jakovljevic, M. (2023). Socioeconomic and behavioral determinants of cardiovascular risk in Russia: A structural equation modeling approach. *Risk Management and Healthcare Policy*, 16, 585–605.
7. Zhao, J., Xu, Y., He, Z., Sun, L., Zheng, L., Li, M., Wang, T., Zhou, X., Zhao, D., Li, H., & Zhang, S. (2023). Global trends in incidence, death, burden and risk factors of early-onset cancer from 1990 to 2019. *BMJ Oncology*, 2(1), e000049.
8. Liu, J., Liu, Y., Ma, W., Tong, Y., Zheng, J., et al. (2024). Temporal and spatial trend analysis of all-cause depression burden based on Global Burden of Disease (GBD) 2019 study. *Scientific Reports*, 14, 12346. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-62381-9>
9. Russell, J. (2022, August 18). Report: 80% of global workers experience information overload. *BigDATAwire*. <https://www.hpcwire.com/bigdatawire/2022/08/18/report-80-of-global-workers-experience-information-overload/>
10. Holman, E. A., Garfin, D. R., & Silver, R. C. (2014). Media's role in broadcasting acute stress following the Boston Marathon bombings. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 111(1), 93–98. <https://doi.org/10.1073/pnas.1316265110>

11. Holman, E. A., Silver, R. C., Poulin, M., Andersen, J., Gil-Rivas, V., & McIntosh, D. N. (2008). Terrorism, acute stress, and cardiovascular health: A 3-year national study following the September 11th attacks. *Archives of General Psychiatry*, 65(1), 73–80.
<https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2007.6>
12. Кантеров, И. Я. (2018). Новые религиозные движения [Учебник]. Издательство Юрайт. https://gi.vlsu.ru/uploads/media/Kanterov_NRD_2018.pdf.
13. ClimateNews. (2024, July 16). The IMPACT | Groundbreaking documentary [Video]. Rumble. <https://rumble.com/v56stt1-the-impact-groundbreaking-documentary.html>
14. Scott v. Ross, 140 F.3d 1275 (9th Cir. 1998). Wikisource.
https://en.wikisource.org/wiki/Scott_v._Ross
15. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:14:06].
<https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=vn48IQuLBBfH-c7G&t=4446>
16. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:14:11].
https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=msy_ClzV6myK8aFq&t=4451
17. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:14:31].
<https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=WsYOmeDwLCQcUE9R&t=4471>
18. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:28:13].
<https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=jcq7YKjYiy7VzGR&t=5293>
19. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:28:24].
https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=fmw1U_MEmnfJ8JWF&t=5304
20. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:26:37].
<https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=E8M95FL3opauY2fw&t=5197>
21. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:31:23].
<https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=46u4Nsy4QQWjjwmZ&t=5483>

22. Бурьянов, С. А. (2012). Свобода совести в Российской Федерации: Специализированный доклад за 2011 год [Доклад]. Институт свободы совести. https://hro.org/files/sovest_2012.pdf
23. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 2:03:52]. <https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=Johmqb3kEBzQjJf6&t=7432>
24. Полухина, Ю., & Одиссонова, В. (2019, March 2). Свидетели и палачи. За что и как пытали членов запрещенной религиозной организации (18+). Новая газета. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/03/02/79746-svideteli-i-palachi>
25. КонсультантПлюс. (n.d.). Конституция Российской Федерации. Статья 51. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/83e04083255cc765ad2af577efd8db4607b207d5/
26. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 2:08:39]. https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=QI8ZUoV-k3ESCB_D&t=7719
27. Principles of Propaganda. (n.d.). Joseph Goebbels. <https://propagandaprinciples.wordpress.com/joseph-goebbels/>
28. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:25:39]. <https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=8JZ751SvznJXOD3b&t=5139>
29. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:36:32]. <https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=eWoBj9eEoAVIGGB1&t=5792>
30. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:45:25]. <https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=PsN8htASRyHUXgKE&t=6325>
31. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:45:51]. <https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=Pi9LpRcNXOGoviwU&t=6351>
32. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:46:27]. https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=sX6aLStKo_wRcPGq&t=6387

33. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:47:19]. https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=_6WyOkGYhOnQRdGz&t=6439
34. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:46:03]. <https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=ceM7UKDP-OW7N5aA&t=6363>
35. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:47:25]. https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=t1bfyXGycyZu7_o&t=6445
36. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:47:29]. <https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=7nu82Gew2FI-4VHr&t=6449>
37. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:47:43]. https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=GU4_mgMqKi1TQBqx&t=6463
38. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:47:50]. https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=dLFZe2O_IyTBA9K3&t=6470
39. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:50:02]. <https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=OJP6M7wfK1vtVws&t=6602>
40. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 1:50:26]. https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=yMc4bzKd2kQY_CBf&t=6626
41. Hassan, S. (1988). Combating cult mind control. Park Street Press.
42. Дворкин, А. Л. (1998). Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным. Русская Православная Церковь. Московская Патриархия. Издательство.
43. United States Commission on International Religious Freedom. (2020, July). Issue update: The anti-cult movement and religious regulation in Russia and the former Soviet Union [Report]. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2020%20Anti-Cult%20Update%20-%20Religious%20Regulation%20in%20Russia.pdf>

44. Wikipedia. The Eternal Jew (film) [Image: poster]. In Wikipedia.
[https://en.wikipedia.org/wiki/The_Eternal_Jew_\(film\)#/media/File:Der_ewige_Jude_poster.jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/The_Eternal_Jew_(film)#/media/File:Der_ewige_Jude_poster.jpg)
45. Дворкин, А. Л. (2002). Сектоведение. Тоталитарные секты. Азбука
46. Независимая психиатрическая ассоциация России. (2001). Независимый психиатрический журнал (№ 3). http://www.npar.ru/wp-content/uploads/2016/02/%E2%84%963_2001.pdf
47. Sixteen dead after high school massacre. (1999, April 21). The Guardian.
<https://www.theguardian.com/world/1999/apr/21/usgunviolence.usa>
48. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 6:26:59].
<https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=JG7YBAqauVRtKjQ6&t=23219>
49. Sinful Messiah [PDF]. Cult Education Institute.
<https://culteducation.com/reference/waco/wacopart1.pdf>
50. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 6:38:23].
<https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=YVoXtHaHNaKNRjvG&t=23903>
51. Sinful Messiah [PDF]. Cult Education Institute.
<https://culteducation.com/reference/waco/wacopart1.pdf>
52. Catherine Wessinger. (2023, April 27). Branch Davidian survivor David Thibodeau's remarks at press conference, April 19, 2023 [Video]. <https://youtu.be/fNd1S6ix4ug>
53. Catherine Wessinger. (2023, April 27). Branch Davidian survivor David Thibodeau's remarks at press conference, April 19, 2023 [Video]. <https://youtu.be/fNd1S6ix4ug>
54. NewsNation. (2023, April 21). 30 years after Waco: Survivor says entire truth "hasn't been told" | Banfield [Video]. <https://youtu.be/upJ69wZn3Ko>
55. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 7:05:02].
https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=vIOeVgWpVRTd9D_i&t=25502
56. Catherine Wessinger. (2023, April 27). Branch Davidian survivor David Thibodeau's remarks at press conference, April 19, 2023 [Video]. <https://youtu.be/fNd1S6ix4ug>

57. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 7:15:37]. <https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=Hs7W9r9si8-9fVjs&t=26137>
58. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 7:14:59]. https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=yuC7Ej4Om_fEGfcW&t=26099
59. Воздействие. (2024, 2 сентября). ВОЗДЕЙСТВИЕ. The Impact | Документальный фильм-расследование HD [Video; timestamp 7:10:59]. https://youtu.be/FURDE87GXbE?si=u_3zJGNkOOEMBFCF2&t=25859
60. Rauch, M. Timothy McVeigh in Waco. Famous Trials. <https://www.famous-trials.com/oklacity/717-waco>
61. Rauch, M. Timothy McVeigh in Waco. Famous Trials. <https://www.famous-trials.com/oklacity/717-waco>
62. Turner Diaries, Chapter 7 [Archived webpage]. truTV Crime Library. Internet Archive. https://web.archive.org/web/20120119012918/http://www.trutv.com/library/crime/serial_killers/notorious/mcveigh/turner_7.html
63. Krakauer, J. (2001, May). The prison letters of Timothy McVeigh. Esquire. <https://www.esquire.com/news-politics/a1265/esq0501-may-mcveigh/>
64. smiggles. (2021, September 27). Timothy McVeigh's 60 Minutes interview (1/2) [Video]. <https://youtu.be/xJpm4hgXBw8>
65. smiggles. (2021, September 27). Timothy McVeigh's 60 Minutes interview (1/2) [Video]. <https://youtu.be/xJpm4hgXBw8>
66. Матанцев, А. Психотроника: управление сознанием, сравнение с технологиями древних цивилизаций. Издательские решения.
67. Central Intelligence Agency. (1988, May 1). Psychic warfare: Exploring the mind frontier [Declassified document]. Internet Archive. https://archive.org/stream/CIA-RDP96-00789R001001420001-3/CIA-RDP96-00789R001001420001-3_djvu.txt
68. Wikipedia. Психотронное оружие. In Русская Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%B5

69. МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ПСИХОЭКОЛОГИИ (2021, 13 апреля). Профессор Игорь Смирнов. Психоэкология [Video; timestamp 9:54].
<https://youtu.be/oFPvvlH7uV8?si=xIt-okhV5718gaQe&t=594>
70. Антон Владимирович О. (2017, 17 февраля). Психология и нравственность русского народа в трагедии АПЛ “Курск” [Video; timestamp 4:32].
<https://youtu.be/MBBADm6vtrqM?si=8blxeawL4sbwlS7s&t=272>
71. Renars (2025, 3 января). Скрытые разработки влияния на массы [Video; timestamp 35:22].
<https://youtu.be/1NfMJQMlXVU?si=XRQSV8VlOH7DhLJR&t=2122>
72. МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ПСИХОЭКОЛОГИИ (2021, 13 апреля). Профессор Игорь Смирнов. Психоэкология [Video; timestamp 5:48].
<https://youtu.be/oFPvvlH7uV8?si=MqhMq55jHDeIU1UC&t=348>
73. Бобровский, С. (2003, April 1). Компьютерные психотехнологии — кульминация развития человечества. IT Week.
<https://www.itweek.ru/themes/detail.php?ID=64094>
74. МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ПСИХОЭКОЛОГИИ (2021, 13 апреля). Профессор Игорь Смирнов. Психоэкология [Video; timestamp 18:30].
https://youtu.be/oFPvvlH7uV8?si=-zpEQShnEtfp_fm7&t=1110
75. Антон Владимирович О. (2017, 17 февраля). Психология и нравственность русского народа в трагедии АПЛ “Курск” [Video; timestamp 10:12].
<https://youtu.be/MBBADm6vtrqM?si=oWv4AaRVjugIipoZ&t=612>
76. МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ПСИХОЭКОЛОГИИ (2021, 13 апреля). Профессор Игорь Смирнов. Психоэкология [Video; timestamp 20:48].
<https://youtu.be/oFPvvlH7uV8?si=XyFDH7GwEo3gpRlY&t=1248>
77. Бобровский, С. (2003, April 1). Компьютерные психотехнологии — кульминация развития человечества. IT Week.
<https://www.itweek.ru/themes/detail.php?ID=64094>
78. МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ПСИХОЭКОЛОГИИ (2021, 13 апреля). Профессор Игорь Смирнов. Психоэкология [Video; timestamp 23:19].
<https://youtu.be/oFPvvlH7uV8?si=p1Bos2cjBpj3uTho&t=1399>
79. Holocaust Memorial Day Trust. First they came — by Pastor Martin Niemöller.
<https://hmd.org.uk/resource/first-they-came-by-pastor-martin-niemoller/>